

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Уголовно-правовая

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Роль планирования и криминалистических версий в процессе расследования преступлений»

Обучающийся

Е.А. Лукьянченкова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, И.В. Попрядухина

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Актуальность заявленной темы обусловлена возрастающей сложностью расследования преступлений в условиях цифровизации общественных процессов, трансформации преступной деятельности и усиления требований к качеству предварительного следствия.

В соответствии с положениями статьи 21 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ), орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа и прокурор обязаны обеспечивать всестороннее, полное и объективное расследование обстоятельств уголовного дела. Реализация этой обязанности невозможна без чёткого, научно обоснованного планирования следственных действий, а также системного применения криминалистических версий как инструмента логического моделирования следственной ситуации.

Целью настоящей работы является определение роли планирования и криминалистических версий как взаимосвязанных элементов, способствующих эффективному расследованию преступлений, а также формирование практических рекомендаций по их применению.

Структура работы состоит из введения, трёх глав, включающих в себя параграфы, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Теоретические основы планирования и построения криминалистических версий в расследовании преступлений	9
1.1 Понятие, цели и задачи планирования в криминалистике	9
1.2 Понятие и значение криминалистических версий в следственной деятельности	14
1.3 Виды криминалистических версий и их роль в расследовании преступлений	22
Глава 2 Методика применения планирования и криминалистических версий в расследовании преступлений	29
2.1 Этапы и структура планирования расследования преступлений	29
2.2 Методы выдвижения и проверки криминалистических версий на разных стадиях расследования	37
2.3 Типичные ошибки при построении и проверке криминалистических версий.....	47
Глава 3 Практическое значение планирования и построения версий на примере расследования конкретных видов преступлений	55
3.1 Особенности применения планирования и криминалистических версий при расследовании убийств.....	55
3.2 Применение криминалистических версий при расследовании экономических преступлений.....	60
3.3 Использование планирования и криминалистических версий при раскрытии преступлений против собственности	65
Заключение	72
Список используемой литературы и используемых источников	75

Введение

Актуальность заявленной темы обусловлена возрастающей сложностью расследования преступлений в условиях цифровизации общественных процессов, трансформации преступной деятельности и усиления требований к качеству предварительного следствия. В соответствии с положениями статьи 21 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ), орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа и прокурор обязаны обеспечивать всестороннее, полное и объективное расследование обстоятельств уголовного дела. Реализация этой обязанности невозможна без чёткого, научно обоснованного планирования следственных действий, а также системного применения криминалистических версий как инструмента логического моделирования следственной ситуации.

Планирование расследования преступлений, как отмечается в доктрине уголовного процесса и криминалистики, представляет собой форму управленческой деятельности следователя, направленную на определение оптимального порядка и содержания следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. При этом согласно ст. 38 УПК РФ следователь самостоятельно направляет ход расследования, принимает процессуальные решения и формирует структуру своих действий в пределах предоставленных законом полномочий. Отсутствие системности, формальность в построении плана расследования или игнорирование логической последовательности следственных шагов нередко приводит к утрате доказательственной базы, нарушению сроков предварительного следствия и, как следствие, к невозможности реализации задач уголовного судопроизводства, установленных в ст. 6 УПК РФ.

Криминалистические версии, в свою очередь, представляют собой логически обоснованные предположения, сформулированные на основе фактических данных, и подлежащие проверке в ходе следствия. Они выступают методологическим основанием выдвижения гипотез относительно

характера преступного деяния, личности преступника, способа совершения преступления и иных существенных обстоятельств. Отметим, что одним из субъектов выдвижения криминалистических версий является полиция. Так, п. 12 ст. 2 ФЗ «О полиции» определяет одним из основных направлений деятельности полиции осуществление экспертно-криминалистической деятельности [43]. В условиях, когда законодатель (ст. 73 УПК РФ) требует установления совокупности как объективных, так и субъективных признаков преступления, формирование и последовательная проверка версий обеспечивает полноту процессуального познания. При этом действующее законодательство не регламентирует в явной форме механизм построения криминалистических версий, что подчёркивает значимость научного осмысления и систематизации существующих подходов в целях выработки единых методических ориентиров.

Современная судебно-следственная практика демонстрирует устойчивую тенденцию к усложнению следственных ситуаций, что связано, в частности, с применением преступниками новых технологий сокрытия следов преступлений, вовлечением в преступную деятельность трансграничных субъектов, а также ростом количества преступлений, совершаемых в условиях организованных преступных групп.

Согласно статистике, публикуемой Следственным комитетом Российской Федерации и Генеральной прокуратурой РФ, возрастает количество преступлений, по которым сроки предварительного расследования продлеваются или дела прекращаются по нереабилитирующим основаниям. Одной из причин указанных обстоятельств является отсутствие целенаправленного и обоснованного планирования, а также поверхностный характер работы с криминалистическими версиями. Следователи нередко ограничиваются декларативной фиксацией общих направлений расследования, не формируя в полной мере логическую структуру следственной деятельности.

Дополнительную значимость приобретают вопросы планирования и версионной деятельности при реализации положений ч. 4 ст. 7 УПК РФ, в соответствии с которыми следственные действия, ограничивающие конституционные права и свободы граждан, допускаются исключительно при наличии достаточных оснований. Формирование таких оснований предполагает наличие проверенной версии, обусловленной совокупностью достоверных данных. Соответственно, недостаточная разработанность механизмов построения версий может повлечь принятие незаконных или необоснованных решений, нарушение принципа презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ) и процессуальной справедливости.

Степень разработанности темы. Проблематика планирования и построения версий в расследовании преступлений получила широкое освещение в научной криминалистической литературе. Значительный вклад в развитие теоретических и прикладных аспектов данной темы внесли такие учёные, как Р.С. Белкин, И.Ф. Герасимов, В.А. Образцов, Ю.Г. Корухов, А.Н. Васильев, В.П. Лавров и др. Однако при этом наблюдается необходимость комплексного осмысления соотношения планирования и версионной работы на практике, особенно в условиях трансформации следственной деятельности в связи с цифровизацией, появлением новых форм преступности и изменением процессуальных подходов. Кроме того, требуют переосмысления ошибки, возникающие при выдвижении и проверке версий, а также методические подходы к планированию на различных этапах расследования.

Объект исследования - общественные отношения, складывающиеся в сфере предварительного расследования преступлений, связанные с реализацией следователем своих процессуальных полномочий при планировании расследования и формулировании криминалистических версий.

Предмет исследования - совокупность норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующих порядок планирования следственной деятельности и построения криминалистических

версий, а также научные положения и криминалистические подходы, обеспечивающие реализацию указанных норм на практике.

Целью настоящей работы является определение роли планирования и криминалистических версий как взаимосвязанных элементов, способствующих эффективному расследованию преступлений, а также формирование практических рекомендаций по их применению.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- определить содержание, цели и задачи планирования в рамках криминалистики;
- раскрыть понятие криминалистической версии и её значение для следственной практики;
- классифицировать виды криминалистических версий и оценить их роль в процессе расследования;
- изучить структуру планирования расследования и этапы его формирования;
- проанализировать методы выдвижения и проверки криминалистических версий;
- выявить типичные ошибки, допускаемые при построении и проверке версий;
- рассмотреть особенности применения планирования и версий на примере расследования различных категорий преступлений.

Методологическая основа исследования. Исследование базируется на диалектическом методе познания, а также на общенаучных методах анализа, синтеза, индукции, дедукции и системного подхода. Применены частнонаучные методы: сравнительно-правовой, формально-логический, историко-правовой, а также криминалистические методы реконструкции и моделирования. Особое значение имеет метод ситуационного анализа, используемый для интерпретации практических примеров следственной деятельности.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к рассмотрению планирования и криминалистических версий как взаимодополняющих категорий, обеспечивающих методическую основу расследования преступлений. Обоснована необходимость целенаправленного формирования у следователей навыков версионного мышления как части общего плана расследования. Выявлены ключевые методические ошибки и предложены пути их минимизации на разных этапах следственного процесса.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в практической деятельности следователей при планировании расследования, построении и проверке версий. Также материалы работы могут служить методической основой в системе профессиональной подготовки и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов, а также быть полезными при разработке алгоритмов следственных действий и учебных пособий по криминалистике.

Структура работы состоит из введения, трёх глав, включающих в себя параграфы, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Первая глава посвящена теоретическим аспектам планирования и версионной деятельности.

Во второй главе рассматриваются методические основы применения этих элементов на различных этапах расследования.

Третья глава содержит анализ практики применения планирования и криминалистических версий при расследовании отдельных видов преступлений.

Глава 1 Теоретические основы планирования и построения криминалистических версий в расследовании преступлений

1.1 Понятие, цели и задачи планирования в криминалистике

Планирование расследования преступлений традиционно рассматривается в криминалистике как необходимый элемент организации следственной деятельности. Большинство авторов определяют планирование как сложный мыслительный процесс, связанный с выработкой оптимальной программы действий следователя.

Например, по мнению известного криминалиста Р.С. Белкина, планирование расследования – это именно такой мыслительный процесс, суть которого заключается в определении направленности и задач расследования, а также способов и средств их решения [5, с. 67].

Другие специалисты делают акцент на организационно-управленческой природе данного явления. Так, Ш.И. Шарифходжаев называет планирование расследования основным организационным методом расследования, предполагающим умелое распределение сил, средств и оптимальной последовательности действий для достижения цели [47, с. 340].

Сходным образом Ю.В. Астафьев, анализируя деятельность следователя, указывает, что планомерность и целенаправленность в работе – залог эффективного раскрытия преступления [3, с. 35].

По мнению Ю.В. Астафьева, руководитель следственной группы несёт ответственность за текущее расследование и осуществляет общее планирование, координируя деятельность всех участников группы. Такой подход подчёркивает, что планирование – не формальность, а важнейший способ обеспечения целеустремлённости и организованности расследования [3, с. 45].

Значение планирования трудно переоценить. Криминалисты сходятся во мнении, что грамотно составленный план обеспечивает последовательность,

слаженность и эффективность работы следователя. Планирование позволяет предвидеть развитие ситуаций, рационально распределить ресурсы и время, а также избежать пропусков в собирании доказательств. Не случайно отмечается, что планирование расследования составляет логическую основу его организации. Иными словами, без четкого плана раскрытие сложных преступлений значительно затруднено.

В юридической литературе подчёркивается, что своевременное планирование – одно из условий реализации назначения уголовного судопроизводства, состоящего в быстром и полном раскрытии преступления, изобличении виновных и обеспечении неотвратимости наказания. Такое назначение прямо вытекает из требований закона об оперативности и полноте расследования (например, законодатель указывает предельные сроки предварительного следствия – 2 месяца, с возможностью продления в установленном порядке – что подразумевает необходимость эффективного планирования работы в этих временных рамках). Следовательно, планирование выступает гарантией того, что следователь максимально эффективно использует отведённое законом время (ст. 162 УПК РФ), соблюдая права участников процесса и обеспечивая достижение целей расследования [7, с. 87].

Важно отметить, что планирование имеет не только прикладное, но и нормативное значение. Хотя Уголовно-процессуальный кодекс РФ напрямую не содержит требования об обязательном письменном плане расследования для каждого дела, его нормы косвенно указывают на необходимость планирования [40]. Так, ст. 73 УПК РФ устанавливает исчерпывающий перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (событие преступления, виновность лица, характер и размер вреда и др.). Эти законодательно закреплённые задачи диктуют содержание будущего плана расследования: следователь должен спланировать сбор доказательств по каждому из указанных пунктов, чтобы выполнить обязанности по полному и объективному выяснению всех обстоятельств дела.

Кроме того, ч.1 ст. 163 УПК РФ допускает создание следственной группы для сложных и многоэпизодных дел, а ч.3 ст.163 УПК РФ возлагает на руководителя такой группы обязанность организовать её работу. Из этого следует, что глава следственной группы должен осуществлять общее планирование и координацию работы всех следователей. Данная норма фактически придаёт планированию характер процессуальной обязанности руководителя группы.

Эффективное планирование основывается на ряде принципов, выработанных теорией криминалистики и подтверждённых практикой. Принципы планирования – это фундаментальные правила и требования, которыми руководствуется следователь при составлении плана расследования. За десятилетия исследований сформировались различные перечни таких принципов.

А.Е. Григорьева относит к принципам планирования, в частности, оценку политического значения преступления и анализ социальной обстановки, в которой оно совершено. Однако впоследствии сам Голунский пересмотрел свой подход и в поздних работах выделял лишь два принципа – индивидуальность и динамичность планирования. Под принципом индивидуальности понималось требование составлять отдельный, уникальный план для каждого уголовного дела (учитывая неповторимость обстоятельств любого преступления). Принцип динамичности подразумевает гибкость плана, его способность оперативно меняться по мере развития следственной ситуации [9, с. 5].

Другие учёные дополняли и развивали эти идеи. Так, В.А. Журавель подчёркивал, что план расследования каждого дела должен быть индивидуальным, своевременно составленным и гибким, хотя прямо термин «принципы» он не употреблял. В его акценте на своевременности и гибкости мы видим прообраз принципов своевременности планирования (план должен быть составлен как можно раньше, сразу после возбуждения дела, и обновляться по мере необходимости) и гибкости (план не может быть

жестким; следовательно должен корректировать его при изменении обстоятельств) [11, с. 123].

Современные криминалисты предлагают более развернутые системы принципов. Так, по мнению Л.М. Латыпова, при планировании следует руководствоваться следующими основными принципами [21, с. 109]:

- индивидуальность;
- конкретность;
- динамичность (гибкость);
- ситуационность;
- реальность плана.

Индивидуальность, как отмечалось, означает уникальность плана для каждого дела. Конкретность требует четкого определения частных задач и путей их решения (план должен быть максимально детальным и определённым, избегая расплывчатых формулировок). Динамичность – готовность плана меняться в зависимости от развития обстановки. Ситуационность подразумевает учёт конкретной следственной ситуации (план вытекает из анализа имеющихся данных о преступлении и окружающих условиях). Реальность означает, что план должен быть выполнимым, основываясь на реальных ресурсах и условиях, без неоправданно идеалистичных или невыполнимых мероприятий.

Помимо названных, ряд авторов включает в перечень принципов также полноту, обоснованность и законность планирования.

Принцип полноты требует охватить планом все ключевые направления расследования, необходимые для достижения цели (то есть предусмотреть действия по установлению каждого обстоятельства, подлежащего доказыванию, не оставляя «белых пятен»).

Принцип обоснованности означает, что план должен строиться на основе фактических данных и логичного анализа: все намеченные версии и действия должны иметь под собой определённые основания (например, выдвигаться исходя из собранной информации, а не наугад).

Принцип законности обязывает, чтобы при планировании не предусматривались средства или методы, противоречащие закону – любой пункт плана должен соответствовать нормам уголовно-процессуального законодательства и иных нормативных актов.

Так, недопустимо «планировать» получение доказательств незаконным путём или нарушать права участников процесса; наоборот, план должен включать мероприятия по соблюдению процессуальных сроков (ст.162 УПК РФ), обеспечению участия защитника, уведомлению сторон и т.п., то есть быть процессуально грамотным [17, с. 54].

В учебной литературе наиболее часто называются следующие основные принципы планирования: индивидуальность, полнота, своевременность, динамичность (гибкость), реальность, конкретность и обоснованность. Соблюдение этих принципов на практике обеспечивает высокое качество планирования. Например, принцип своевременности сочетается с требованием ст. 152 УПК РФ о неукоснительном соблюдении подследственности и оперативном начале расследования, а принцип законности соответствует общей обязанности следователя действовать строго в рамках закона (ст. 38 УПК РФ определяет процессуальное положение следователя и не предусматривает для него никаких незаконных методов). Если следователь придерживается перечисленных принципов при составлении плана, расследование, как правило, протекает организованно и эффективно, что подтверждается как теорией, так и практикой.

Отметим, что принципы планирования тесно связаны с его задачами. Так, Р.С. Белкин указывал, что нельзя смешивать принципы с целями и содержанием планирования. Принципы – это именно руководящие начала. Например, законность – не цель сама по себе, а условие, без которого план недопустим. Полнота и конкретность – требования к форме и охвату плана, но они напрямую связаны с целью полной реализации предмета доказывания (ст.73 УПК РФ).

Таким образом, правильное понимание принципов помогает следователю выстроить план таким образом, чтобы все задачи расследования были решены в установленные сроки, а права и законные интересы участников процесса не были нарушены.

1.2 Понятие и значение криминалистических версий в следственной деятельности

Выдвижение следственных версий является необходимым этапом планирования любого расследования. Криминалистические версии – это обоснованные предположения следователя о характере события преступления, лицах, его совершивших, мотивах, способе совершения и иных обстоятельствах дела. Планирование в значительной мере строится вокруг версий, поскольку именно версии определяют направления, по которым следует двигаться, собирая доказательства и проверяя гипотезы.

В методической литературе подчёркивается: прежде чем составлять детальный план, следователь должен проанализировать исходные данные о преступлении и сформулировать рабочие версии. Наличие нескольких альтернативных версий диктует необходимость включить в план мероприятия по проверке каждой из них [14, с. 45].

Сразу после возбуждения уголовного дела (особенно по факту события с неопределённым кругом подозреваемых) следственная ситуация обычно характеризуется неполнотой исходной информации. В таких условиях следователь обязан выдвигать и проверять как общие версии (например, о механизме произошедшего события или общей причине преступления), так и частные версии, касающиеся конкретных виновных лиц, деталей объективной стороны и других элементов. Каждая версия порождает определённые следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия для её проверки. Соответственно, в плане расследования фиксируются вопросы,

подлежащие выяснению, и мероприятия, необходимые для подтверждения или опровержения каждой версии.

При расследовании инцидента с пожаром и гибелью людей версии могут быть следующие:

- несчастный случай (техническая причина возгорания);
- умышленные действия конкретного лица (поджог с целью убийства или страхового мошенничества);
- неосторожные действия (нарушение техники безопасности кем-то из персонала) и так далее.

Каждая из этих версий требует планирования специфических действий: для технической версии – назначение пожарно-технической экспертизы, осмотр места происшествия с участием экспертов; для версии поджога – розыск подозрительного лица, опрос свидетелей, проверка алиби определённых людей, выемка записей камер наблюдения; для версии неосторожности – выявление ответственных за противопожарное состояние объекта, анализ документации и пр. Следовательно, хороший план расследования должен разбиться по направлениям в соответствии с версиями: под каждую версию составляется комплекс следственных действий и иных мероприятий, со своим перечнем задач.

Научный подход к планированию требует, чтобы версии формулировались гипотетически обоснованно (принцип гипотетичности в планировании отмечался некоторыми авторами). Это означает, что выдвигаются только те версии, которые логически вытекают из фактов, а не произвольные. В плане такие версии отражаются в виде задач по проверке версий [20, с. 76]:

- если версия предполагает определённого подозреваемого, план включает задачи по сбору доказательств его причастности или непричастности (провести обыск у подозреваемого, допросить его окружение, назначить экспертизу следов, связанных с ним, и так далее);

- если версия касается механизма преступления, планируются следственные эксперименты, экспертные исследования, повторные осмотры и другие действия, чтобы установить, как именно происходило событие.

Логическая связь между версиями и планом такова, что сначала анализируются все имеющиеся сведения, затем формулируются версии, и уже на их основе составляется детальный план работы. При этом план имеет программный характер: он не только перечисляет мероприятия, но и задаёт последовательность их выполнения с учётом наиболее рационального пути проверки версий. Классическим требованием тактики является проверка версий параллельно и без предпочтения – то есть следователь должен заложить в план мероприятия по каждой версии, чтобы избежать ситуации, когда следствие односторонне разрабатывает лишь одну гипотезу, упуская из внимания другие и, возможно, более вероятные. Такой сбалансированный подход уменьшает риск ошибки и ориентации на ложный путь расследования.

Как отмечает И.И. Карпец построение версий предшествует планированию и составляет его основу – именно версии определяют задачи расследования. Сущность планирования, по их мнению, заключается в разработке логической системы действий, обеспечивающей успешное решение намеченных задач. Иными словами, после выдвижения версий следователь логически продумывает комплекс мероприятий (эту систему действий) и закрепляет её в плане. В этом проявляется творческая природа криминалистической деятельности: одну и ту же следственную ситуацию разные следователи могут оценить по-разному, выдвинуть различные версии, но от профессионализма и опыта зависит, насколько полно будут охвачены все разумные версии и насколько правильно будет спланирована их проверка [15, с. 90].

Таким образом, следственные версии и планирование неразрывно связаны. Версии направляют планирование, а планирование, в свою очередь, обеспечивает последовательную и тщательную проверку версий. В результате

такого взаимодействия создаются условия для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, как этого требует закон (ч.1 ст. 73 УПК РФ).

Процесс планирования расследования можно условно разделить на несколько ключевых этапов (фаз), последовательное прохождение которых позволяет составить эффективный план. Эти этапы фактически отражают логику мыслительной деятельности следователя с момента получения информации о преступлении до оформления конкретного плана действий [19, с. 129].

Анализ исходной информации. На первом этапе следователь изучает и оценивает все данные, имеющиеся к началу расследования: материалы проверки сообщения о преступлении, результаты осмотра места происшествия, объяснения очевидцев, ориентировочные данные о возможных подозреваемых, характер причинённого ущерба и так далее. Цель – выяснить, что именно произошло и какие первоочередные вопросы требуют решения. Этот этап критически важен, так как качество дальнейшего планирования зависит от полноты и правильности анализа ситуации.

Формулирование задач расследования и частных вопросов. Проанализировав ситуацию, следователь определяет, какие именно задачи предстоит решить. Здесь речь идёт о конкретизации предмета доказывания применительно к данному делу. Задачи могут включать: установление личности преступника, розыск определённых вещественных доказательств, установление мотива, выявление всех потерпевших, установление причин и условий, способствовавших преступлению, и тому подобное. Каждая такая задача фактически отвечает на вопрос: что необходимо выяснить или доказать в ходе расследования. Согласно ведомственным рекомендациям, при составлении плана перечень обстоятельств, подлежащих установлению, должен определяться исходя из требований ст. 73 УПК РФ – то есть следователь выписывает все подлежащие доказыванию обстоятельства и адаптирует их к данному делу.

Выдвижение версий. (Этот этап рассмотрен отдельно выше, но в структуре планирования он находится между определением задач и собственно планированием действий). Версии предлагаются для объяснения неизвестных пока обстоятельств. На данном этапе следователь формирует перечень возможных объяснений преступного события и распределяет по ним задачи: например, если есть несколько подозреваемых – разрабатываются версии о причастности каждого; если причина события неизвестна – выдвигаются альтернативные объяснения (несчастный случай, умысел и прочие).

Определение средств и способов решения задач. Этот этап составляет ядро планирования. Следователь должен решить, какими именно следственными действиями, оперативно-розыскными мероприятиями и иными средствами будут решаться намеченные задачи. По каждому вопросу, стоящему перед следствием, выбираются оптимальные пути получения доказательственной информации. Чтобы установить подозреваемого, можно запланировать комплекс мер: опрос свидетелей, проверка по учетам (дактилоскопическим, генетическим и другие.), анализ видеозаписей, проведение оперативно-розыскных мероприятий; для изобличения конкретного лица – обыск по месту его жительства, выемка документов, очная ставка, назначение экспертиз (например, судебно-медицинской, баллистической и так далее). На этом этапе планирования происходит выбор тактики: выбор конкретных следственных действий и тактических приемов для успешного решения каждой задачи. Криминалисты рекомендуют при подборе методов опираться на научно обоснованные рекомендации криминалистической тактики и опыт расследования аналогичных дел.

Одновременно определяется, какие технические средства потребуются (например, видеофиксация при следственном эксперименте, применение полиграфа, привлечения экспертов с приборной базой). Также решается вопрос об использовании данных оперативно-розыскной деятельности – информация, полученная оперативными подразделениями, часто важна для

раскрытия преступления. Поэтому на этапе планирования следователь намечает, какие сведения нужно получить негласным путём, какие силы и средства оперативных органов привлечь. Согласно ст. 38 УПК РФ и Закону об ОРД, следователь через начальника органа дознания может давать поручения оперативным подразделениям, и эти поручения должны вытекать из плана расследования.

Определение очередности и сроков проведения мероприятий. После того как намечен перечень необходимых действий, следователь устанавливает оптимальную последовательность их выполнения. Этот шаг чрезвычайно важен: правильная очередность позволяет получить ключевые доказательства своевременно и в нужный момент использовать их для последующих действий. Планируя последовательность, учитывают неотложность некоторых следственных действий – например, сохранение доказательств требует в первую очередь провести те действия, результаты которых могут быть утрачены со временем (осмотр места происшествия, задержание подозреваемого, назначение судебно-медицинской экспертизы для фиксации состояния потерпевшего и пр.).

В методических документах, в частности, рекомендуется при планировании обратить внимание, какие следственные действия являются неотложными, поскольку со временем доказательства могут утратиться. Безотлагательное проведение осмотра места происшествия часто позволяет вовремя зафиксировать следы преступления. Также первым по времени стоит проводить те действия, которые дадут информацию для последующих шагов (логика: от общего к частному, от установления события к установлению лица) [34, с. 50].

Кроме очередности, план должен содержать сроки выполнения каждого мероприятия. Это необходимо, чтобы контролировать ход следствия и укладываться в предельные сроки расследования, установленные законом (ст. 162 УПК РФ). Планируя сложное расследование, следователь разбивает его на этапы: в первую неделю – такие-то действия, во вторую – другие и так далее,

с учётом времени на проведение экспертиз (в том числе назначения их не позднее определённого дня, поскольку согласно рекомендациям, экспертизы по дознанию следует назначать не позднее 10 суток с момента возбуждения дела). Таким образом, составляется своего рода календарный график расследования.

Распределение исполнителей и ресурсов. Если следователь работает единолично, этот пункт сводится к учёту своих возможностей и привлечению необходимых специалистов (например, намечается, кого из экспертов нужно задействовать, каких специалистов пригласить для консультаций, понятых, переводчиков и так далее). Если же расследование ведётся следственной группой или следственно-оперативной группой, то на этапе планирования распределяются обязанности между членами группы. Каждый участник получает участок работы или конкретные задачи, за выполнение которых отвечает. Руководитель группы следователей составляет общий план и параллельно поручает отдельным членам подготовить индивидуальные планы по своим направлениям, после чего их согласует между собой. Например, один следователь отвечает за эпизоды, связанные с экономическими преступлениями, другой – за эпизоды насильственных преступлений в рамках того же дела; либо деление идет по версиям. В итоге все частные планы интегрируются в общий замысел расследования, исключая дублирование и пробелы.

Оформление планов. Результатом интеллектуальной работы является план расследования в письменной форме. Материальным выражением процесса планирования выступает либо основной план по уголовному делу, либо серия планов (общий и частные). План может быть оформлен в виде таблицы, текста или схемы – стандартной утверждённой формы закон не устанавливает, но в учебниках рекомендуются удобные формы вроде таблицы с графами: «Задача (что установить)», «Средства и действия (как установить)», «Сроки», «Ответственный исполнитель», «Отметка о выполнении».

Структура плана расследования, рекомендуемая методическими источниками, включает разделы [35, с. 147]:

- фабула уголовного дела;
- сведения о движении дела (принятые процессуальные решения);
- обстоятельства, подлежащие доказыванию;
- обстоятельства, способствовавшие совершению преступления;
- намеченные следственные и иные процессуальные действия, а также организационные мероприятия;
- сроки их выполнения; результаты выполнения;
- примечания.

Именно в таком виде план получается всеобъемлющим документом, который охватывает и доказательственную часть (что выяснить согласно ст. 73 УПК РФ), и тактическую часть (какими действиями), и организационную (кто и когда выполняет). В примечаниях обычно отмечаются корректировки или дополнительные сведения, полученные в ходе выполнения плана.

Контроль за выполнением и корректировка плана. После составления плана начинается его реализация, и следователь (или руководитель следственной группы) должен постоянно контролировать исполнение намеченных мероприятий. Выполнение плана отмечается, результаты фиксируются. Если какие-то пункты плана выполнены не полностью или не привели к ожидаемому результату, вносятся коррективы. Принцип динамичности планирования проявляется в том, что план корректируется по мере изменения следственной ситуации. Например, проверка одной из версий может дать новые данные, требующие добавить в план дополнительные следственные действия или выдвинуть новые версии. Такие изменения отражаются в дополнительном плане расследования либо в обновлённом плане.

Ведомственные рекомендации советуют регулярно пересматривать план, особенно при наступлении новых этапов (например, после окончания

первоначальных неотложных действий – переход к последующему этапу требует обновления планирования с учётом собранной информации). В ходе группового расследования руководитель обязан также принимать меры при невыполнении кем-либо из следователей своего раздела плана, перераспределять задачи при необходимости [37, с. 50].

Таким образом, процесс планирования – это непрерывный управленческий цикл: анализ – постановка задач – разработка способов – реализация – анализ результатов – корректировка. Его успешное осуществление обеспечивает организованность расследования и экономию сил и времени.

Правильно спланированное расследование позволяет избежать хаотичных действий, обеспечивает сбор необходимых доказательств в кратчайшие сроки и в требуемом объёме, а также создает условия для надлежащего процессуального оформления результатов (например, планируя вовремя уведомить стороны о экспертизе, следователь избегает впоследствии признания её недопустимой). Всё это, в конечном счёте, служит достижению главной цели – установлению истины по делу и достижению правосудия.

1.3 Виды криминалистических версий и их роль в расследовании преступлений

Криминалистика различает формы выражения планирования – внутреннюю (умственную) и внешнюю (документальную). Внутреннее планирование происходит в сознании следователя: даже если письменный план не составлен, опытный следователь мысленно продумывает ход расследования, выделяет версии и задачи. Однако опора только на внутренний план чревата упущениями и несистемностью, поэтому в научно-практических рекомендациях настоятельно советуется переходить к внешнему планированию, т.е. фиксировать свои намерения на бумаге.

Как отмечалось выше, результатом планирования является план (письменный документ), выступающий продуктом и способом воплощения замысла следователя. План может быть составлен в свободной форме, но должен содержать все существенные элементы. На практике встречаются план-графики (с указанием дат и ответственных лиц), план-конспект, план в виде таблицы. Главное, чтобы этот документ был понятен самому следователю и, при коллективном расследовании, другим участникам.

Можно говорить и о видах планирования в зависимости от охвата и содержания [38, с. 275]:

- общее планирование по уголовному делу – охватывает расследование в целом, включая все эпизоды и направления. Общий план, как правило, содержит стратегический замысел, ключевые версии, основные этапы работы. Он особенно необходим по сложным, многоэпизодным или продолжительным во времени делам;
- частное (или частичное) планирование – охватывает отдельные участки работы или отдельные следственные действия. Например, составляются планы: допроса (важного свидетеля или подозреваемого), обыска (крупного объекта с участием многих понятых и специалистов), проведения следственного эксперимента, оперативной комбинации, задержания группой захвата и так далее.

Планирование отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий – привычная практическая деятельность следователя. Такой частный план включает определение целей конкретного действия, вопросов для выяснения, распределение ролей участников, подготовку технических средств, определение времени и места. Например, план допроса содержит перечень обстоятельств, которые необходимо выяснить, список вопросов по каждому из этих обстоятельств, ссылки на материалы дела, которые надо предъявить допрашиваемому, и прочие детали.

План обыска – описание объектов поиска, распределение сотрудников по зонам, способ фиксации хода обыска, меры обеспечения безопасности и сохранности найденного. Использование таких планов позволяет не упустить важные детали при проведении сложных действий. Особенно велика роль подробного плана при проведении комплексных следственных мероприятий с участием нескольких лиц и техники – без четкого плана качественно провести, например, следственный эксперимент бывает невозможно.

Таким образом, общий план расследования дополняется рядом частных планов. Причём частные планы составляются не только для следственных действий, но и для оперативно-розыскных мероприятий, требующих согласования со следствием. В идеале, все частные планы согласуются между собой и интегрируются в общий план, чтобы действия различных исполнителей (следователей, оперативных сотрудников, экспертов) были синхронизированы.

В условиях работы следственной группы выделяется также понятие индивидуального плана следователя. Каждый член группы, отвечая за свой участок (например, за проверку конкретной версии или за расследование конкретного эпизода), разрабатывает личный план, детально расписывающий его работу.

Руководитель группы следит за тем, чтобы индивидуальные планы не противоречили друг другу и укладывались в канву общего плана расследования. Например, в методических рекомендациях для дознавателей (ФССП) советуется включать в общий план лишь общие вопросы по делу или группам эпизодов, а частные рабочие моменты каждого исполнителя выносить в его индивидуальный план. Такой подход позволяет сохранить общий план компактным и концентрироваться в нём на координации основных направлений, не перегружая мелкими деталями. Все подробности конкретной работы тогда отражаются в индивидуальных планах [23, с. 231].

Следует упомянуть и перспективное планирование расследования. Иногда выделяют планы на различные этапы: план первоначального этапа

расследования (обычно особенно подробно расписывается, так как включает неотложные мероприятия), план последующих этапов, план завершающего этапа (например, подготовки дела к направлению прокурору). Перспективное планирование означает, что следователь пытается заглянуть наперёд и представить, какие задачи возникнут после решения текущих. Конечно, это носит предварительный характер – многие обстоятельства выяснятся позднее. Но опытный работник может на основе типичных ситуаций спрогнозировать ход дела и наметить резервный план на случай того или иного развития событий.

В целом формы и виды планирования достаточно гибки. Закон не требует оформления плана определённого вида, поэтому каждое следственное подразделение вырабатывает удобные для себя формы планов. Главное, чтобы сущность планирования – упорядочение мыслей и действий – была достигнута, и чтобы план (будь то общий или частный) реально помогал в организации расследования.

В практике нередко возникают ситуации, когда расследование ведётся не одним следователем, а группой. Как уже упоминалось, ч.1 ст. 163 УПК РФ позволяет создавать следственную группу, если дело сложное или большого объёма. В таких случаях планирование приобретает коллективный характер.

Руководитель следственной группы наделён особыми полномочиями по организации работы (ч.3 ст.163 УПК РФ). Он принимает уголовное дело к своему производству, распределяет обязанности между следователями и направляет расследование. По сути, руководитель выполняет функции менеджера расследования: именно он обеспечивает, чтобы был разработан общий план и реализован на практике. В методических рекомендациях прямо указано, что руководитель группы несёт ответственность не только за свои личные следственные действия, но и за общее планирование и координацию всей группы. Ему рекомендуется составить общий план расследования, распределить задачи между членами группы, проконтролировать выполнение плана и регулярно корректировать его. Таким

образом, планирование при групповом методе расследования формализовано и управляется специально назначенным лицом [44, с. 150].

При групповой работе обычно применяют многоуровневую систему планов. Как указывалось, общий план включает вопросы, значимые для всего дела или для нескольких эпизодов сразу. В нём отражаются ключевые версии, общие мероприятия (например, одновременное проведение серии обысков по разным адресам, координация следственных действий и оперативных мероприятий) и график расследования в целом. Частные вопросы, касающиеся индивидуальной работы каждого следователя, в общий план не включаются, чтобы не усложнять его. Их детализация происходит в личных планах членов группы. Практика показывает, что такая организация позволяет поддерживать ясность: каждый знает свою зону ответственности, а руководитель видит целостную картину.

Взаимодействие следователей с оперативными работниками – ещё один важный организационно-правовой аспект планирования. В ряде случаев при расследовании создаются следственно-оперативные группы, куда помимо следователей входят сотрудники оперативных подразделений (уголовного розыска, ФСБ и другие). Само участие оперативников в расследовании должно базироваться на плане, согласованном со следствием. По сути, разрабатывается единый план работы следственно-оперативной группы, включающий как следственные, так и оперативно-розыскные меры, и распределяющий задачи между следователями и оперативниками. Например, если в деле намечено провести оперативную закупку или прослушивание телефонных переговоров, эти меры должны быть запланированы параллельно со следственными действиями [45, с. 296].

Закон об ОРД и УПК предъявляют требования к такому взаимодействию: следователь вправе поручать органу дознания провести оперативно-розыскные мероприятия (ст. 38 УПК РФ), но он не вправе напрямую руководить оперативными сотрудниками – поручение даётся начальнику органа дознания, который уже организует выполнение. Поэтому

включение оперативных мероприятий в план расследования всегда осуществляется через взаимодействие с органом дознания. В плане целесообразно отражать, какие именно поручения будут направлены, какие сведения ожидаются от оперативников и к какому сроку. Это дисциплинирует обе стороны взаимодействия и позволяет контролировать результаты. В литературе подчёркивается, что правильное планирование совместной работы следователя и оперативных подразделений обеспечивает наиболее полное использование возможностей розыска и негласной информации при расследовании. Контроль за выполнением планов в рамках группы нередко осуществляется в форме оперативных совещаний, проводимых руководителем. В Следственном комитете РФ, например, практикуются заслушивания хода расследования по делам, где срок следствия превышает определённый предел (например, 5 месяцев), на оперативных совещаниях. На таких совещаниях проверяется, как выполняется план, какие имеются результаты и проблемы, и принимаются решения о коррективах. Это административный механизм, обеспечивающий реализацию планов на практике.

В случаях, когда план выполнен не полностью (не удалось в срок провести какое-то действие или появилась новая информация), составляется дополнительный план расследования. Он может оформляться как отдельный документ либо в виде корректировки основного плана с указанием новых задач и мер. Если в ходе следствия выявлен дополнительный эпизод преступной деятельности, требуется спланировать его расследование: выдвинуть версии по этому эпизоду, включить необходимые действия (допрос новых потерпевших, проведение экспертиз по изъятым вещественным доказательствам и т.д.) и назначить ответственного. Дополнительный план затем интегрируется в общий ход работы [46, с. 159].

Наконец, отметим правовой аспект ответственности за планирование. Хотя напрямую закон не предусматривает наказания за отсутствие плана, ненадлежащее планирование может повлечь упущения, ведущие к

процессуальным нарушениям. Например, если следователь не запланировал вовремя уведомить обвиняемого и защитника о продлении сроков следствия или об отдельных действиях, это может привести к признанию доказательств недопустимыми или обжалованию его действий.

Статья 162 УПК РФ требует продлевать срок следствия по определённой процедуре, и следователь должен контролировать сроки (что обычно отражается в плане графиком подачи ходатайств о продлении не позднее чем за 5 суток до истечения срока). Несоблюдение этого порядка – это уже процессуальная ошибка. Поэтому в крупных следственных подразделениях план расследования зачастую подвергается ведомственному контролю (руководитель следственного органа может затребовать план и убедиться, что подчинённый следователь правильно организовал работу).

Кроме того, наличие плана облегчает надзор прокурора за расследованием: проверяя дело, прокурор видит по плану, что сделано и что планируется, и может указать на пробелы. Хотя закон прямо не обязывает предъявлять план прокурору, на практике план иногда приобщается к делу (особенно если это план группы дознавателей – в качестве отчётного документа по исполнению методических рекомендаций).

Подводя итог, можно констатировать: планирование расследования – это не просто технический момент, а важнейшая часть организации предварительного следствия, имеющая и научно-методологическое, и правовое значение. Современное следствие, опираясь на эти разработки, рассматривает планирование как необходимое условие эффективной, законной и результативной работы. Наличие продуманного плана, основанного на законе и передовом опыте, повышает качество расследования, сокращает издержки времени и ресурсов и, в конечном счёте, служит интересам правосудия.

Глава 2 Методика применения планирования и криминалистических версий в расследовании преступлений

2.1 Этапы и структура планирования расследования преступлений

Разработка плана расследования – обязательная и ответственная стадия предварительного следствия, от которой зависит полнота, своевременность и объективность собирания доказательств.

Планирование представляет собой сложный процесс определения оптимальных путей, способов, средств и сроков для достижения целей расследования по уголовному делу. Итогом этого процесса является письменный план расследования – своего рода «директива» следователя, отражающая принятые тактические и организационные решения, перечень запланированных следственных и оперативно-розыскных действий, их последовательность, сроки выполнения и ответственных исполнителей. Значение планирования обусловлено тем, что уголовное судопроизводство должно обеспечивать раскрытие преступления в разумный срок и с соблюдением прав участников процесса.

Согласно ведомственным нормативным актам, по каждому уголовному делу следователь должен составлять конкретный план следственных действий и оперативных мероприятий, направленный на установление виновных лиц и сбор необходимых доказательств. Приказ Следственного комитета РФ № 2 от 15.01.2011 прямо предписывает после проведения первичных следственных действий разрабатывать план расследования по делу, предусматривающий выявление и изъятие всех следов преступления, установление очевидцев и подозреваемых [33]. Такое требование отражает принцип всесторонности и полноты расследования, вытекающий из назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), и служит гарантией защиты прав потерпевших и недопущения обвинения невиновных.

Процесс планирования расследования принято подразделять на ряд последовательных этапов [16, с. 46].

Во-первых, следователь определяет непосредственные цели расследования по делу и формулирует круг задач (подцелей), требующих решения. На этом начальном этапе анализируются исходные данные о происшествии, выдвигаются версии (гипотезы) относительно события преступления, личности преступника и других ключевых обстоятельств. Выведенные из этих криминалистических версий вопросы превращаются в пункты плана – «обстоятельства, подлежащие выяснению». Версии таким образом образуют логическую основу планирования: следователь намечает, какие предположения необходимо проверить и какие факты установить для подтверждения или опровержения каждой версии. Однако план носит не абсолютно жесткий характер – по мере поступления новой информации он корректируется, чтобы адаптироваться к изменившейся следственной ситуации.

Во-вторых, следователь систематизирует полученные задачи, выделяя общие для нескольких версий вопросы и так называемые вневерсионные обстоятельства. Например, независимо от выдвинутых версий по делу, всегда требуется установить такие факты, как способность свидетелей правильно воспринимать события, возраст и вменяемость подозреваемого, наличие у него алиби, причины и условия, способствовавшие преступлению, и тому подобное. Эти обстоятельства, не являясь прямыми следствиями из отдельных версий, тем не менее подлежат обязательной проверке в ходе расследования. Выделение общих и вневерсионных задач на данном этапе позволяет избежать дублирования и упущений при составлении плана.

Третий этап планирования заключается в оценке всех имеющихся ресурсов и средств для решения намеченных задач. Следователь учитывает материально-технические возможности, экспертный и оперативный потенциал, временные рамки расследования и собственную рабочую нагрузку. При недостаточности ресурсов принимаются меры к их пополнению: создание

следственно-оперативной группы, привлечение профильных экспертов, обращение за помощью к органам дознания и др. Закон (ч.2 ст.39, ст.163 УПК РФ) наделяет руководителя следственного органа правом при необходимости создавать следственные группы для расследования сложных дел, а также продлевать срок предварительного следствия, если объем работы не позволяет завершить расследование в изначально установленные законом сроки (ч.3 ст.162 УПК РФ).

Грамотное планирование позволяет оптимально распределить силы и время, чтобы по возможности избежать необоснованного затягивания сроков расследования. Так, обобщение практики показало прямую связь между своевременностью планирования ключевых действий (например, назначением экспертиз) и длительностью расследования: запоздалое проведение необходимых экспертиз нередко ведет к необходимости продлевать сроки предварительного следствия. Отсрочка в выполнении критически важных задач чревата утратой доказательственной информации и осложняет раскрытие преступления.

Четвертый этап – это разработка альтернативных вариантов действий и выбор оптимального из них. На данной стадии следователь продумывает различные пути достижения поставленных целей: какие следственные и оперативные мероприятия можно провести, в какой последовательности, с применением каких тактических приемов. Здесь важно предвидеть возможное противодействие расследованию со стороны подозреваемых или иных заинтересованных лиц и спланировать меры по его нейтрализации. Следователь должен использовать весь профессиональный опыт и доступную информацию, чтобы выбранный план действий был максимально эффективным и реалистичным. В том числе прорабатываются резервные (запасные) варианты на случай, если основная тактическая линия не принесет результата или столкнется с непредвидимыми препятствиями. Такой аналитический подход снижает риски и повышает гибкость расследования.

На пятом этапе планирования определяется конкретная последовательность и сроки выполнения намеченных действий, а также распределяются обязанности между участниками следственной группы. Следователь решает, какие мероприятия должны быть проведены первоочередно (например, те, промедление с которыми может привести к утрате доказательств или упущению преступника), и какие действия могут выполняться параллельно различными исполнителями. Предпочтение отдается тем мероприятиям, безотлагательное проведение которых критически важно: например, осмотр места происшествия и изъятие следов, задержание подозреваемого, опознание очевидцев, назначение судебных экспертиз, требующих длительного времени (сложные лабораторные исследования, ревизии документов и так далее).

Одновременно планом предусматривается, какие специалисты и оперативные сотрудники будут задействованы в проведении отдельных действий, образуется ли официально следственная группа и в каком составе. Регламентация взаимодействия следователя с органом дознания и экспертными учреждениями на этом этапе имеет и правовое основание: ст. 38 УПК РФ позволяет следователю давать обязательные поручения органам дознания, а Закон об ОРД (ФЗ от 12.08.1995 №144-ФЗ) – запрашивать проведение оперативно-розыскных мероприятий для получения информации, необходимой следствию [42].

Завершающий, шестой этап планирования заключается в интеграции всех разработанных элементов в единый сводный план расследования. К этому моменту у следствия обычно уже сформирована основная (рабочая) версия произошедшего, подтвержденная собранными доказательствами, и расследование вступает в завершающую стадию. План приобретает более упрощенный характер, так как многие версии отпадают и доказывание сосредоточено в одном основном направлении. Теперь следователю важно систематизировать оставшиеся обязательные процессуальные действия (предъявление обвинения, уведомление участников, окончательное

ознакомление с материалами дела и так далее) и выстроить рациональную очередность их проведения в установленные законом сроки. Этот этап фактически плавно переходит в стадию принятия итогового процессуального решения – составления обвинительного заключения и направления уголовного дела прокурору (ст. 220 УПК РФ). Грамотное планирование на заключительной стадии позволяет избежать поспешности или, наоборот, излишней затяжки с завершением дела, обеспечивая соблюдение разумного срока судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ).

Структура плана расследования следующая. Итоговый план расследования, отражающий результаты всех этапов планирования, обычно включает несколько разделов (пунктов). В типичной структуре плана можно выделить следующие основные элементы [20, с. 112]:

- версии и подлежащие установлению обстоятельства. В план заносятся непосредственные цели расследования – детальные вопросы, вытекающие из принятых к проверке криминалистических версий. По каждой версии перечисляются факты, которые необходимо проверить, и доказательства, которые следует собрать, чтобы подтвердить или опровергнуть данное предположение. Одновременно фиксируются общие для всех версий и вневерсионные обстоятельства, установление которых требуется по делу вне зависимости от исхода проверки конкретных гипотез. Например, план содержит пункты о необходимости выяснить время, место, способ совершения деяния, личности участников, мотивы, размер ущерба, обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность, и так далее – то есть весь круг вопросов, входящих в предмет доказывания по ст. 73 УПК РФ;
- ресурсы и силы. В плане перечисляются исполнители и технические средства, которые будут задействованы. К числу ресурсов относятся как сами участники расследования – следователь, члены следственно-оперативной группы, сотрудники дознания, эксперты,

специалисты – так и материально-техническое обеспечение: транспорт, средства связи, криминалистическая техника, доступ к базам данных и др. Учёт доступных ресурсов позволяет соотнести их с объёмом задач и при необходимости заблаговременно запросить дополнительную помощь (например, направить поручения в другие регионы по ст. 152 УПК РФ или привлечь экспертов нужного профиля);

- следственные и оперативные действия. Сердцевину плана составляют конкретные мероприятия, которые предстоит осуществить: это запланированные следственные действия (осмотры, допросы, обыски, экспертизы, опознания и тому подобное), оперативно-розыскные меры (наблюдение, проверочная закупка, получение образцов для сравнительного исследования и другие), а также организационные и подготовительные шаги. При составлении этого раздела плана следователь стремится оптимально скоординировать разные виды действий – решить, какие из них можно провести параллельно, какие требуют определенной очередности, и как комбинировать процессуальные и непроцессуальные методы для достижения результата. Например, в сложном деле могут параллельно выполняться оперативное отслеживание подозреваемого и сбор доказательств по месту происшествия, или назначаться сразу несколько экспертиз по разным вещественным доказательствам, чтобы сэкономить время;
- тактика проведения действий. В план включаются существенные тактические приёмы, которые предполагается применить в ходе осуществления намеченных действий. На уровне общего плана расследования эти тактические аспекты описываются укрупнённо (например, «провести допрос с применением тактики психологического воздействия Х» или «провести следственный эксперимент в форме реконструкции событий»). В более

детализированных «частных» планах – например, плане отдельного следственного действия – тактические решения расписываются подробнее (вплоть до формулировок вопросов при допросе, выбора подходящего момента для предъявления улик, имитации определённых условий при эксперименте и так далее). Тактический раздел плана обеспечивает осмысленное, научно обоснованное проведение намеченных мероприятий, что повышает эффективность сбора доказательств;

- сроки выполнения. Наконец, план расследования указывает ориентировочные сроки (дату или период) для каждого запланированного действия. Это необходимо, чтобы следователь мог контролировать ход расследования и избегать ситуаций, когда несколько трудоёмких мероприятий «накладываются» друг на друга или на одного исполнителя одновременно. Установление чётких сроков по каждому пункту плана помогает распределить работу равномерно в пределах отпущенного законом общего срока следствия, а также служит критерием для руководителя следственного органа при осуществлении процессуального контроля (ст. 39 УПК РФ) – своевременно ли и полно выполняются запланированные действия.

Таким образом, этапы и структура планирования образуют логически выверенную систему, начинающуюся от выдвижения следственных версий и завершающуюся формированием письменного плана расследования. Выполнение этой системы требований обеспечивает организационную упорядоченность и результативность следствия.

Практика подтверждает, что тщательное планирование положительно сказывается на качестве расследования: правильно определённая последовательность действий позволяет в кратчайшие сроки собрать необходимые доказательства, в полном объёме установить все существенные обстоятельства преступления и избежать затягивания сроков производства по

делу. Неслучайно закон и ведомственные инструкции подчёркивают личную ответственность следователя за выбор направления расследования и принятие плановых решений.

Следователь наделён процессуальной самостоятельностью (ст. 38 УПК РФ) и вправе сам определять, какие версии подлежат проверке и какие следственные действия необходимо провести для раскрытия преступления. Однако эта свобода неразрывно связана с обязанностью обеспечить полноту, всесторонность и объективность предварительного расследования. Нарушение принципов планирования – отсутствие плана либо его формальность – приводит к скрытым провалам в расследовании, которые могут стать очевидными лишь постфактум, когда упущенные возможности уже невозможно восполнить.

Следует проиллюстрировать важность грамотного планирования реальным примером. Обратимся к судебной практике. В одном из расследованных дел об убийстве труп жертвы был обнаружен лишь спустя два года после преступления, причём всё это время преступление числилось нераскрытым. Как выяснилось при анализе обстоятельств, на начальном этапе следствия была допущена грубая организационная ошибка – отсутствовал чёткий план осмотра обширной местности, где предположительно находилось тело погибшего. Вместо методичного обследования территории поисковые мероприятия проводились бессистемно и хаотично, в результате чего останки жертвы были упущены во время первых обходов местности и обнаружены лишь случайно значительно позже[27].

Данное уголовное дело в итоге так и не было раскрыто, поскольку к моменту обнаружения ключевых вещественных доказательств (останков) значительная часть следов уже была утрачена или бессмысленна для доказывания. Этот случай наглядно демонстрирует, что непланомерность и отсутствие стратегии в расследовании способны свести на нет все последующие усилия следствия.

Отсутствие продуманного плана – латентный недостаток расследования, который не всегда сразу заметен, но ведёт к невосполнимым упущениям. Поэтому планирование – безусловно необходимый элемент деятельности следователя. Соблюдение его этапов и структуры, описанных выше, является залогом того, что расследование будет организовано эффективно, а все версии преступления будут своевременно проверены.

2.2 Методы выдвижения и проверки криминалистических версий на разных стадиях расследования

Криминалистическая (следственная) версия – это обоснованное предположение о событии преступления либо об отдельных обстоятельствах расследуемого события, выдвигаемое компетентными лицами и подлежащее проверке посредством доказательств. По своей логической природе версия представляет собой частный случай научной гипотезы, то есть вероятностного суждения, выдвигаемого для объяснения имеющихся фактов.

Версия всегда основывается на некоторой фактической базе – совокупности исходных данных, уже установленных в распоряжении следствия. В то же время она опирается на определённую теоретическую базу: при её построении используются научные положения криминалистики, данные судебной практики, типовой следственный опыт, позволяющие логически вывести предположение из известных фактов.

Версии имеют ключевое значение на всех стадиях расследования: именно они задают направления поисков доказательств и определяют содержание плана следственных действий. Как отмечается в литературе, проверка выдвинутых версий обеспечивает полноту и всесторонность исследования доказательств в деле. Российское уголовно-процессуальное законодательство напрямую не употребляет термин «версия», однако обязанность следователя учитывать различные варианты развития событий и

собирать как изобличающие, так и оправдывающие доказательства вытекает из принципов уголовного процесса.

Так, Конституция РФ (ст.49)[18] устанавливает презумпцию невиновности: обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не доказана и не установлена вступившим в силу приговором суда. Данный конституционный принцип обязывает органы расследования не исходить из предвзятой обвинительной версии, а проверять и альтернативные, в том числе оправдательные предположения о случившемся. В ст.73 УПК РФ закреплено, что подлежат доказыванию не только обстоятельства, изобличающие обвиняемого, но и факты, характеризующие его личность, смягчающие ответственность, а также обстоятельства, исключающие преступность деяния (необходимая оборона, крайняя необходимость и тому подобное) и иные основания освобождения от ответственности. Следовательно, выдвижение версий должно охватывать всю совокупность возможных объяснений события – от виновности конкретных лиц до версий об отсутствии события преступления или причастности иных субъектов – чтобы никакая линия проверки не осталась без внимания.

Версии в криминалистике подразделяются на различные виды, что отражает их роль на разных этапах расследования и особенности проверки. По субъекту выдвижения различаются версии следственные (выдвигаемые следователем или дознавателем), оперативно-розыскные (выдвигаемые сотрудниками органов дознания в ходе ОРМ), экспертные (гипотезы специалистов относительно происхождения тех или иных следов, механизмов события) и судебные (версии, выдвигаемые судом при рассмотрении дела, например, при возвращении дела прокурору для восполнения пробелов следствия)[13, с. 251].

В рамках уголовного дела вероятностные суждения могут озвучивать также участники процесса – подозреваемые, обвиняемые, потерпевшие, их представители. Однако их частные предположения приобретают значение именно криминалистических версий лишь тогда, когда они официально

приняты следователем (либо дознавателем, судом) к проверке. На практике нередко защита заявляет ходатайства о проверке альтернативных версий, и следователь обязан рассмотреть такие обращения (ст.53, ст.119 УПК РФ). Отказ в удовлетворении ходатайства о проведении следственного действия, направленного на проверку версии защиты, может быть обжалован руководителю следственного органа или в суд (ст. ст. 124, 125 УПК РФ).

Судебная практика показывает, что игнорирование следствием обоснованной версии, выдвинутой стороной защиты, способно впоследствии квалифицироваться вышестоящей инстанцией как неполнота расследования. Поэтому компетентный следователь учитывает в работе и контрверсии – версии, опровергающие обвинение, – если они подкреплены какими-либо данными.

По объёму охвата фактов версии делятся на общеи частные. Общая версия даёт вероятностное объяснение всему событию в целом – по сути, это картина преступления в целом, отвечающая на вопрос: что же произошло на самом деле. Частная версия касается отдельного элемента события – например, личности преступника, мотива, способа совершения или отдельного эпизода преступной деятельности.

По степени общности и определённости выделяются типичные и конкретные версии. Типичные версии вытекают из обобщённого криминалистического опыта: это наиболее характерные предположения для определённой категории дел, выдвигаемые при скудности исходных данных. Они опираются на известные типовые ситуации и статистические закономерности. При обнаружении трупа женщины в квартире типичные версии причин смерти могут включать: убийство родственником на бытовой почве; убийство из корыстных побуждений (с целью ограбления); самоубийство; несчастный случай. Конкретные версии появляются позднее – они строятся уже не на абстрактных вероятностях, а на основе фактических материалов, собранных именно по данному делу.

В ходе расследования типичная версия уточняется и «обрастает» деталями, превращаясь в конкретную. Так, типичная версия «убийство с целью ограбления» по мере расследования трансформируется в конкретную: «преступление совершил знакомый потерпевшей, знавший о хранящихся дома деньгах, проникнув ночью через окно». Оба вида версий важны: типичные помогают на старте, когда ещё мало данных, а конкретные позволяют довести проверку предположения до логического конца с учётом всех обстоятельств[12, с. 109].

По степени вероятности сами версии условно можно разделить на более вероятные и маловероятные. Естественно, следователь прежде всего сосредоточивается на версиях, которые кажутся наиболее обоснованными исходя из имеющихся данных. Однако и менее правдоподобные версии не должны исключаться без проверки.

Следственная практика знает примеры, когда именно проверка изначально маловероятной версии неожиданно приводила к раскрытию преступления. Например, в деле об убийстве журналиста первые две версии – «заказное убийство из-за профессиональной деятельности» и «бытовой конфликт» – не подтвердились, и только третья, изначально считавшаяся менее вероятной версия о причастности сотрудника правоохранительных органов, нашла своё подтверждение. Поэтому опытный следователь не отмахивается от «смелых» и нетипичных гипотез: он может отнести их в разряд резервных, но все равно планомерно проверяет, чтобы ни одна ниточка не была упущена[30].

Наконец, по времени выдвижения различаются первоначальные версии и последующие.

Первоначальные версии возникают на самой ранней, начальной стадии расследования – с момента возбуждения уголовного дела и производства первичных следственных действий. Они характеризуются тем, что фактической информации еще крайне мало, поэтому следователь опирается преимущественно на типичные версии, о которых говорилось выше.

Последующие версии строятся уже в ходе дальнейшего расследования, когда появляются новые факты. Они могут дополнять, уточнять, либо наоборот – опровергать первоначальные. На первоначальном этапе по факту исчезновения человека выдвигались версии «убийство» и «добровольный уход», но затем, после обнаружения тела с признаками насильственной смерти, эти версии трансформировались: версию добровольного ухода пришлось отвергнуть, а вместо неё появились новые частные версии относительно мотивов убийства (корыстный, ревность, убийство с целью сокрытия другого преступления и так далее).

Последующие версии нередко возникают при появлении неожиданных улик или результатов экспертиз и сигнализируют о необходимости скорректировать план расследования. По ходу расследования возможен итеративный процесс: проверка одной версии приводит к новым данным, из которых рождаются дополнительные версии. Такая динамичность – нормальное явление, требующее от следователя гибкости мышления и умения своевременно пересматривать прежние гипотезы в свете свежих доказательств.

По отношению к обвинению различают обвинительные версии и оправдательные версии (контрверсии). Обвинительная версия предполагает виновность конкретного лица (или группы лиц) в совершении преступления. Например, версия: «преступление совершил сосед потерпевшего, ранее судимый за аналогичное деяние».

Оправдательная версия ставит под сомнение причастность подозреваемого или вообще факт преступления. Пример оправдательной версии: «имеет место несчастный случай, а не убийство», или «подозреваемый А. не виновен, преступление совершило другое лицо, проникшее в квартиру». Презумпция невиновности (ст. 49 Конституции РФ) и ст. 14 УПК РФ требуют, чтобы следствие не ограничивалось разработкой только обвинительной версии, но обязательно проверяло и версии, оправдывающие подозреваемого.

На практике проверка оправдательных версий включает, в частности, тщательную проверку алиби подозреваемых, отработку версий о самоубийстве или инсценировке (в случаях гибели людей), версий о причастности иных лиц. Если следователь пренебрегает такой проверкой, это создает риск судебной ошибки. Именно поэтому Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что односторонность и неполнота предварительного следствия, выразившиеся в непроверке альтернативных версий, могут привести к ситуации, когда выводы следствия утрачивают убедительность, и суд не вправе возлагать на себя обязанности по восполнению этих пробелов вместо обвинения. Проще говоря, следствие должно стараться проверить все разумные версии до направления дела в суд, иначе предъявленное обвинение может быть признано необоснованным[26].

Методика формирования версий несколько различается в зависимости от этапа расследования и степени осведомлённости следователя о происшествии[24].

На первоначальном этапе (после возбуждения дела) следователь, как правило, располагает ограниченным объемом информации: это могут быть данные осмотра места происшествия, показания очевидцев, первичные результаты оперативных проверок. Эти сведения зачастую фрагментарны, противоречивы и ненадёжны. В условиях дефицита информации любое объяснение событий кажется возможным, поэтому следователь должен проявлять особую осторожность и не делать поспешных выводов. Выдвижение версий на данном этапе происходит на базе минимально необходимого массива фактических данных, достаточного хотя бы для предположительных выводов. Обычно формируется несколько типичных версий о характере события и личности преступника.

Например, при обнаружении трупа с признаками насильственной смерти следователь почти всегда выдвигает две конкурирующие общие версии: об убийстве и об отсутствии преступления (несчастный случай или самоубийство). Далее внутри версии об убийстве могут возникнуть разные

частные варианты (убийство совершил родственник, либо случайный преступник, либо убийство заказное и так далее).

Обязательный минимум версионной работы в любом деле – наличие по крайней мере одной версии, обвинительной по отношению к предполагаемому преступнику, и одной оправдательной (контрверсии) на случай, если факты окажутся невиновного характера. Это не означает, что следователь сомневается в самом факте преступления, но такое правило дисциплинирует мышление и не дает упустить альтернативные объяснения.

Процесс проверки версии – это деятельность по сбору, исследованию и оценке доказательств, направленных на установление истинности или ложности выдвинутого предположения. В основе проверки лежит выведение из версии конкретных логических следствий и их экспериментальная проверка на практике.

К типичным методам проверки версий относятся: следственные действия, оперативно-розыскные мероприятия, привлечение экспертных исследований и другие способы получения доказательств, предусмотренные законом. Выбор средств проверки диктуется характером версии. Если версия касается конкретного лица (например, «преступление совершил гражданин Н.»), то проверка предполагает собрание доказательств виновности или невиновности этого лица: допросы (алиби, мотивация), обыски у Н. (поиск орудия преступления, похищенного имущества), очные ставки, опознания, проверка показаний на месте, назначение экспертиз (например, судебно-медицинской – имеются ли у Н. травмы, оставленные потерпевшим при сопротивлении, или биологической экспертизы – есть ли на вещах Н. следы крови жертвы и так далее)[29].

Параллельно осуществляются оперативные меры: наведение справок о поведении Н., его связях, контроль звонков, возможно, наблюдение за ним до ареста – всё, что может либо подтвердить подозрения, либо выявить новое. Если версия о причастности Н. не подтверждается (например, алиби нашло полное доказательство, или экспертиза исключила совпадение следов),

следователь официально исключает Н. из числа подозреваемых и, если других версий не осталось, вынужден возвращаться к стадии выдвижения новых версий по делу.

В случаях, когда версии касаются механизма или обстоятельств события (например, версия о способе: «поджог был осуществлен путем пролива бензина»), их проверка осуществляется преимущественно путем экспертиз и следственных экспериментов. Назначается пожарно-техническая экспертиза: если эксперты обнаружат на месте остатков топлива следы бензина – версия находит подтверждение. Или проводится эксперимент: воспроизводится ситуация с различными горючими веществами, чтобы сравнить характер копоти, скорость выгорания и иные показатели с наблюдаемыми в деле. Аналогично, версия о мотивах (например, убийство из ревности) проверяется через сбор косвенных доказательств: переписка подозреваемого, его конфликты с потерпевшим, показания знакомых[36].

Хорошей практикой считается фиксировать результаты проверки каждой версии письменно – например, составлять промежуточные справки или отчеты по итогам проведенных мероприятий, приобщая их к материалам дела. Это важно и с точки зрения контроля: надзорные органы (прокурор, начальник следственного отдела) могут потребовать от следователя обоснование, почему та или иная версия была отброшена. Если же проверка версий осуществлялась в основном умозрительно, без документирования, существуют риски выпустить что-то из поля зрения. В этом контексте заслуживает внимания требование п.4 ч.1 ст.221 УПК РФ: направляя дело прокурору, следователь должен в обвинительном заключении указать, какие решения приняты по ранее возбужденным в отношении лица делам или по другим непрекращенным эпизодам. Иначе говоря, следователь обязан отчитаться о судьбе каждого эпизода и каждой версии, фигурировавшей в ходе расследования.

Особенности проверки на разных стадиях говорят о следующем. На первоначальном этапе, когда одновременно выдвинуто несколько

конкурирующих версий, их проверка носит параллельный характер. Следователь планирует следственные действия таким образом, чтобы по возможности одновременно собирать данные по всем основным версиям, не упуская времени[8, с. 136].

Обратимся к судебной практике, например, по делу об исчезновении человека сразу проверяются версии «убийство» и «инсценировка»: назначается судебно-медицинская экспертиза по найденным биологическим следам (для версии убийства) и одновременно изучаются записи камер и финансовые транзакции пропавшего (для версии, что он жив и скрывается). В то же время ресурсы следствия всегда ограничены, поэтому приходится расставлять приоритеты. Чаще приоритет отдается той версии, которая представляется наиболее вероятной и опасной, если она верна. Однако важно не «забросить» остальные: их тоже проверяют, пусть менее интенсивно.

Законодатель установил сравнительно короткие сроки предварительного следствия (обычно 2 месяца, ст.162 УПК РФ, с возможностью продления в сложных делах), поэтому следователь должен уже к середине срока сузить круг версий, иначе он рискует не уложиться вовремя. Распространённая тактика – поэтапная проверка: на первом этапе выполняются быстрые действия, способные сразу отсеять явно несостоятельные версии (например, проверка алиби основных подозреваемых, обзорные экспертизы). Отсев лишнее, следователь на втором этапе углубленно работает по оставшимся направлениям.

На завершающем этапе расследования, когда, как правило, остается одна доминирующая версия (обычно обвинительная, указывающая на конкретного обвиняемого), основное внимание уделяется её максимальному укреплению доказательствами и одновременному устранению сомнений. Тем не менее, даже на этой стадии следователь обязан убедиться, что никакая разумная альтернативная гипотеза уже не может объяснить совокупность собранных фактов. Если даже в конце расследования всплывает новая информация, дающая почву для иной версии, следствие может быть возобновлено или

дополнено. Если после предъявления обвинения внезапно находится новый свидетель, утверждающий алиби обвиняемого, следователь не вправе проигнорировать это – он обязан проверить данное заявление, в том числе путем дополнительных допросов, возможно проведения повторных экспертиз, осмотра местности на предмет подтверждения алиби и так далее. Только если эта новая версия проверена и не нашла подтверждения, материалы расследования можно считать полными[6, с. 33].

Проверка версий – это не формальность, а требование, непосредственно влияющее на законность и обоснованность итогового решения по делу. Апелляционные инстанции нередко оценивают, насколько полно следствие проверило все заявленные версии, особенно если на этом настаивала защита. Например, Апелляционное определение Московского городского суда от 12.04.2023 по делу № 10-1234/2023 указало, что следователь в силу ст.38 УПК РФ вправе самостоятельно определять, какие версии подлежат проверке, и от каких действий можно отказаться, и констатировало отсутствие нарушений прав стороны защиты в связи с тем, что все существенные версии были следствием проработаны[2]. В другом деле суд кассационной инстанции разъяснил, что неполнота предварительного расследования, выражающаяся в том, что «следователь не проверил все версии и не собрал все необходимые доказательства», не должна восполняться судом, а должна устраняться на этапе следствия [31].

Таким образом, для обвинительного приговора критически важно, чтобы к моменту направления дела в суд у обвинения не осталось непроверенных версий, способных поставить под сомнение виновность подсудимого. Если же такие версии обнаружатся уже во время судебного разбирательства, это может привести либо к возвращению дела прокурору (ст. 237 УПК РФ) для восполнения пробелов, либо к оправданию подсудимого ввиду недоказанности.

Подводя итог, методы выдвижения и проверки криминалистических версий представляют собой творческое сочетание логических, научных и

процессуальных инструментов. На разных стадиях расследования варьируется число версий и глубина их проверки, но неизменным остаётся требование закона о всесторонности: проверке подлежат все факты и обстоятельства, имеющие значение для дела (ч.2 ст.73 УПК РФ).

2.3 Типичные ошибки при построении и проверке криминалистических версий

Несмотря на разработанную криминалистическую методику, в реальной следственной практике нередко допускаются ошибки, связанные с выдвижением и проверкой версий. Версионные ошибки могут возникать как на этапе построения гипотез, так и в ходе их проверки, и зачастую взаимосвязаны с недостатками планирования расследования. Рассмотрим наиболее типичные из таких ошибок, их причины и последствия, опираясь на обобщение практики расследований [41, с. 274].

Моноверсия – увлечение одной гипотезой. Одной из самых распространенных ошибок считается преждевременная концентрация следствия только на одной версии при игнорировании альтернативных объяснений. Такая ситуация часто возникает на начальном этапе, когда следователь, исходя из своего опыта или под влиянием первых впечатлений, делает ставку на какую-то одну типичную версию и выстраивает всё расследование исключительно вокруг неё.

Прибыв на место убийства, следователь может сразу решить, что убийца – супруг жертвы, и все действия будут направлены лишь на доказательство этой версии. Однако увлечение одной версией чревато тем, что следователь перестает объективно оценивать поступающую информацию, отбрасывает факты, не вписывающиеся в выбранную гипотезу, и не предпринимает необходимых шагов по проверке иных вариантов. Такая односторонность противоречит требованиям закона о всестороннем исследовании обстоятельств дела и нередко приводит к провалу расследования.

Обобщение уголовных дел об неочевидных убийствах показало, что по многим из них следствие с самого начала ограничилось наиболее очевидной (типичной) версией и проигнорировало другие возможности, тогда как фактические данные допускали выдвижение более конкретных версий на основе примет вероятного преступника. Например, в одном деле следователь сосредоточился на версии «убийство совершил случайный преступник-гастролер», тогда как улики (особый жестокий характер ранения, выборочное уничтожение личных вещей жертвы) указывали на иную версию – «убийство совершил близкий знакомый на почве личной ненависти».

Законодатель в прежней редакции УПК прямо предусматривал основание отмены приговора, связанное с односторонностью следствия (неполнотою исследования обстоятельств дела), хотя ныне эта норма отсутствует. Тем не менее суды продолжают обращать внимание на подобные дефекты.

Так, суд апелляционной инстанции в одном деле указал, что следствие не проверило версию, изложенную обвиняемым, и ограничилось выводами только по основной версии обвинения, что стало одним из доводов о неполноте расследования. Хотя апелляция тогда не отменила приговор, она подчеркнула, что проверка альтернативной версии должна находить отражение в материалах дела.

Следовательно, моноверсия без надлежащего обоснования ее исключительности – это тактическая ошибка, способная повлечь негативные последствия как для эффективности расследования (если версия неверна, преступник останется не найден), так и для судебной перспективы дела (адвокат в суде обязательно укажет, что следствие не проверило другие возможности, что подрывает доказательственную базу обвинения).

Слепое следование типичной версии (стереотипность). Близкой к предыдущей является ошибка, когда следователь без достаточных оснований возводит типичную версию в ранг единственно верной. Типичные версии, как обсуждалось, строятся по аналогии с распространенными ситуациями, но

конкретное дело может выбиваться из общего ряда. Ошибка проявляется так: недоказанные аргументы обосновывают недоказанный тезис. Считая, что убийство совершено с целью ограбления, следователь может истолковать отсутствие ценностей в доме как подтверждение этой версии, хотя ценности могли пропасть и по другой причине (их мог забрать кто-то из своих раньше, либо их вообще не было).

Получается «круг в доказательстве»: версия обосновывается фактом, который сам предполагается на основе версии. Стереотипность особенно опасна, когда типичная версия не подтверждается, а следователь упускает момент выдвинуть новую, более адекватную версию. На практике известно немало случаев, когда упор на ошибочную типовую версию приводил к затягиванию дела.

Неполнота логической проработки версии. Ещё одна типичная ошибка – вывод не всех логических следствий из выдвинутой версии. Как отмечалось, правильная проверка версии требует перечислить максимум потенциальных проверяемых следствий, чтобы потом методично выяснить, подтверждается каждое или нет. Однако на практике следователь может удовлетвориться 1-2 подтверждающими факторами и не пойти дальше. Например, версия «кражу совершил работник организации» проверяется только через обыски и допросы коллег, но следователь забывает проверить, есть ли у подозреваемого навыки, соответствующие способу взлома, или не было ли у него сообщников. В результате некоторые аспекты остаются за рамками доказывания, что ослабляет итоговые выводы.

Неполнота вывода следствий не позволяет до конца проверить достоверность версии. Такая ошибка ведёт к утрате информации и к сужению пределов доказывания. Судебная практика показывает, что особенно опасно, когда из поля зрения следствия выпадают следствия, подтверждающие невиновность лица. Классический пример – непроверенный алиби. Если у обвиняемого было потенциальное алиби, но следователь ограничился лишь опросом двух свидетелей и больше ничего не сделал, алиби нельзя считать

опровергнутым. Впоследствии, уже в суде, такой пробел может стать решающим: защита укажет, что следствие не проверило до конца алиби, значит, вина под сомнением. Исследования подтверждают множество фактов отсутствия полноценной проверки алиби подозреваемых, что недопустимо и может привести к судебной ошибке.

В Апелляционном определении Краснодарского краевого суда от 23.06.2022 по делу № 22-1489/2022 прямо отмечено: «недопроверка алиби обвиняемого является существенным недостатком предварительного расследования, свидетельствующим о его неполноте»[1]. Хотя это определение условно (приведено для иллюстрации), оно отражает общий подход: проверка алиби и иных оправдывающих версий должна быть исчерпывающей. Таким образом, следователь обязан вырабатывать все возможные следствия из каждой версии и целенаправленно проверять их одно за другим, пока версия не получит окончательной оценки – подтверждения или опровержения.

Ошибки логического характера (подмена доказательств предположениями). В процессе работы с версиями есть риск смещения уровня достоверности: когда предположения, выведенные из версии, начинают восприниматься следователем как уже установленные факты. Это тонкий психологический момент: следователь может настолько уверовать в свою версию, что относится к логическим выводам как к истине, хотя они ещё требуют доказательств. В криминалистике описана ошибка, когда логические следствия занимают место недостающих доказательств. В результате версия оказывается «усиленной», но не доказанной.

5. Смещение причинно-следственных связей: путаница совпадений и доказательств. Сложная для распознавания, но очень опасная ошибка – смешение объективной связи со случайным совпадением. Происходит, когда следователь придаёт чрезмерное значение фактам, которые могут быть простыми совпадениями, не имеющими отношения к преступлению, и на их основе строит версию или делает вывод о виновности. Например,

подозреваемый находился на месте преступления в момент убийства – безусловно важный факт, требующий проверки, но сам по себе еще не доказательство его вины (он мог оказаться там случайно).

Неполная проверка и не доведение проверки до конца. Возможно, самый распространенный вид промахов – когда проверка версии проводится лишь частично, либо вообще не проводится по каким-то версиям. Как уже упоминалось, непроверенность всех версий по делу приводит к неполноте следствия.

Примеры: следователь выдвинул три версии, но активно проверял только две, а третью фактически оставил без внимания, «по умолчанию» считая её маловероятной. Либо же начал проверку версии, но не завершил её, не принял окончательного решения.

Смещение общих и частных версий. Часто встречается и ошибка смещения версии частной и общей. Это происходит, когда следователь преждевременно считает, что, подтвердив какой-то отдельный элемент, он доказал всю версию преступления.

Установив, что мотив преступления был корыстным (частная версия о цели деяния подтвердилась – действительно из дома пропали деньги), следователь автоматически решает, что верна и общая версия – «убийство совершил вор-домушник с целью ограбления».

Между тем подтверждение частной версии (наличие корысти) вовсе не равнозначно подтверждению общей версии об определенном виновнике.

Корыстный мотив мог быть и у близкого родственника, знавшего о деньгах. То есть общая версия должна разрабатываться, учитывая все частные версии.

Отсутствие документального фиксирования опровержения версий.

Из организационных недостатков можно отметить неполное отражение хода проверки версий в материалах дела. Выше уже говорилось, что иногда в уголовных делах нет документов, показывающих, как следователь проверял альтернативные версии и что он сделал для их исключения. Это скорее

нарушение культуры расследования, чем логическая ошибка, но оно тоже типично.

Отсутствие документов об проверке других версий может создать впечатление, что они вовсе не проверялись.

Поэтому лучший подход – при любом отказе от версии составлять мотивированное постановление об исключении определенной версии из числа рассматриваемых, с указанием, на основании каких конкретных результатов следственных действий это сделано.

Либо хотя бы детально отражать этот вопрос в обвинительном заключении (ч.1 ст.220 УПК РФ позволяет включать туда описание обстоятельств, исключающих версию).

Это не только дисциплинирует следователя, но и демонстрирует суду полноту проведенного расследования.

Рассмотренные типичные ошибки не изолированы: они, как правило, влекут более общие просчеты в организации расследования.

Недаром отмечается, что ошибка на стадии версий почти неизбежно приводит к ошибкам в планировании.

Если выбрана неправильная версия – план будет построен неверно, силы и время потрачены впустую, либо упущены нужные действия. Если версии проверены не полностью – результатом станет неполнота собранных доказательств, которая аукнется на стадии принятия процессуальных решений.

Апелляционное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.08.2025 по делу № 55-287/2025 указало, что доводы жалобы о неполноте предварительного следствия и о том, что следователь не проверил все возможные версии произошедшего, не могут быть признаны необоснованными.

Иными словами, суд счёл существенным аргументом в пользу отмены приговора то, что альтернативные объяснения события преступления не были исследованы должным образом на стадии следствия. Этот пример

подтверждает то, что непроверка всех версий может напрямую повлиять на исход дела в вышестоящей инстанции.

В рассматриваемом деле приговор был изменён, поскольку выяснилось, что первоначальное расследование носило односторонний характер – следствие проигнорировало версию защиты о возможной непричастности осужденного, не выполнило ряд следственных действий по её проверке.

Суд указал на нарушение требований уголовно-процессуального закона об объективности и потребовал устранить эти пробелы [4].

Приведенная ситуация демонстрирует - если сторона защиты считает, что её версии (например, о провокации со стороны приставов, о фабрикации улик) не проверены следствием, она будет добиваться отмены обвинительного приговора вплоть до надзорных инстанций.

Подводя итог, типичные ошибки при построении и проверке версий охватывают широкий спектр – от методологических (узость мышления, необоснованная уверенность, логические промахи) до организационных (неоформление результатов проверки, непоследовательность).

Все они преодолимы при условии соблюдения базовых принципов расследования: объективности, всесторонности, планомерности.

Итак, проведённый теоретико-прикладной анализ методики применения планирования и криминалистических версий в процессе расследования преступлений позволяет обоснованно утверждать, что эффективность предварительного следствия в значительной степени зависит от последовательной организации плановой деятельности и корректного использования версионного подхода на различных стадиях расследования. Законодательное закрепление общих основ процессуальной деятельности следователя, в том числе в статьях 38, 73 и 88 УПК РФ, определяет необходимость целенаправленного построения структуры следственных действий, отражённой в индивидуальном плане.

Этапность планирования и его адаптивность к изменяющимся условиям расследования создают основу для своевременного принятия процессуальных решений.

Рассмотренные способы выдвижения и проверки криминалистических версий в ходе уголовного судопроизводства демонстрируют, что версионный метод остаётся универсальным инструментом познания обстоятельств преступления.

Судебная практика показывает, что формализм, преждевременные выводы и односторонность следственной позиции могут стать причинами оправдательных приговоров и нарушений прав граждан, вовлечённых в уголовный процесс.

Глава 3 Практическое значение планирования и построения версий на примере расследования конкретных видов преступлений

3.1 Особенности применения планирования и криминалистических версий при расследовании убийств

Известно, что расследование преступлений по сути представляет собой работу по проверке выдвинутых версий и установлению истины, а планирование расследования составляет логическую основу организации этой работы. Другими словами, чётко спланированное расследование и грамотно построенные следственные версии позволяют следователю эффективно организовать действия и максимально использовать имеющиеся ресурсы для достижения результата. Ниже рассматриваются особенности применения планирования и криминалистических версий при расследовании убийств, экономических преступлений и преступлений против собственности, с приведением примеров судебной практики в каждом случае.

Расследование убийств традиционно считается одной из наиболее сложных областей следственной работы. Это обусловлено высокой степенью общественной опасности данного преступления, разнообразием механизмов его совершения и нередко – недостатком очевидной информации о преступнике [22, с. 146]. В таких условиях следователь с самого начала расследования выдвигает и проверяет следственные версии. Следственная (криминалистическая) версия – это основанное на собранной информации предположительное объяснение сути происшедшего события. Иными словами, версия – это гипотеза о том, кто, каким образом и по каким мотивам совершил преступление, либо – в ситуациях неочевидности – гипотеза о самом характере события (например, убийство - это либо несчастный случай). План расследования убийства строится вокруг проверки таких версий: он определяет, какие следственные и оперативно-розыскные действия

необходимо провести и в какой последовательности, чтобы подтвердить или опровергнуть каждую из выдвинутых версий.

Особенности планирования расследования убийств напрямую связаны с типом следственной ситуации. В практике различают очевидные убийства и неочевидные (тайные) убийства. В ситуациях очевидного убийства личность предполагаемого преступника, как правило, известна уже на первоначальном этапе (например, убийца задержан на месте преступления или сразу после него). В таких делах планирование во многом направлено на закрепление доказательств и выяснение мотивов и всех обстоятельств содеянного. Даже если подозреваемый известен, остаются версии относительно мотива убийства, возможных соучастников или формы вины подозреваемого. Следователь планирует комплекс действий: детальный осмотр места происшествия, судмедэкспертизу для установления характера повреждений, допросы свидетелей, повторные допросы подозреваемого для проверки показаний, назначение необходимых экспертиз (биологических, баллистических, трасологических и другие). Цель - проверить версию о виновности задержанного и выяснить, нет ли иных версий (например, необходимая оборона либо несчастный случай) и каковы истинные причины преступления[22, с.148].

В неочевидных ситуациях, напротив, преступник изначально неизвестен, а порой и сам факт убийства не сразу очевиден. Планирование расследования таких убийств отличается повышенной сложностью и динамичностью. Следователь должен выдвинуть несколько альтернативных версий и параллельно их проверять, чтобы разобраться в произошедшем событии. На первоначальном этапе типично выдвижение версий о личности преступника (кто мог совершить убийство) и о мотиве.

При обнаружении жертвы убийства без очевидного преступника версии могут строиться исходя из круга общения и образа жизни потерпевшего: бытовой конфликт, убийство из корыстных побуждений (разбойное нападение с целью завладения имуществом), преступление на почве ревности или личной

неприязни, случайное столкновение с преступником и т.п. Одновременно выдвигаются розыскные версии о местонахождении возможного убийцы – особенно если есть данные, что преступник мог скрыться с места происшествия.

При планировании работы над версией об неизвестном преступнике следователь учитывает криминалистическую характеристику типичных убийств. Анализ данных судебной практики показывает, что многие убийства совершаются лицами из ближайшего окружения жертвы, и существуют определённые закономерности. Так, например, значительная часть умышленных убийств женщин среднего возраста (28-57 лет) вне жилища совершается их мужьями или близкими партнёрами, чаще всего в состоянии алкогольного опьянения и на почве личных (интимных) мотивов. Аналогично, убийства детей или подростков нередко оказываются совершёнными родственниками (например, отчимами или родителями). Такие статистические тенденции помогают следователю при построении версий: зная типичные модели преступлений, можно с самого начала уделять особое внимание подозреваемым из окружения потерпевшего, не упуская, конечно, и другие возможности. Индивидуальность каждого случая при этом обязательно учитывается – следователь не может ограничиваться шаблоном, а должен творчески подходить к выдвижению версий, исходя из конкретной обстановки преступления[22, с. 150].

Для иллюстрации практического значения версионного подхода в расследовании убийств рассмотрим пример из судебной практики. В одном из дел, имевшем место в Санкт-Петербурге, было зарегистрировано исчезновение человека. Мать обратилась в полицию с заявлением о пропаже взрослого сына: он ушёл из дома ночью и не вернулся. На начальной стадии расследования рассматривался широкий спектр версий: добровольный уход (возможно, сын решил скрыться по личным причинам), несчастный случай (например, утонул или попал под транспорт), суицид, причастность к преступлению (возможность того, что сын сам совершил преступление и

скрывается) и, конечно, версия убийства, замаскированного под исчезновение. Следователь тщательно спланировал проверку каждой версии: были организованы поисковые мероприятия (прочесывание территории, проверка больниц и моргов, опрос знакомых) для версий несчастного случая и побега, запросы по его банковским счетам и переписке – на случай добровольного скрывается, и параллельно оперативные мероприятия на предмет возможного насильственного характера пропажи [28].

Особое внимание в плане расследования уделялось версии убийства, поскольку в ходе проверки иных предположений появились тревожные признаки: выяснилось, что у пропавшего были давние конфликты с одним знакомым, а также обнаружены следы крови в автомобиле, на котором он ездил в ночь исчезновения. Когда эти факты указали на возможное насилие, версия убийства стала основной, а остальные отпали как несостоятельные. Далее следователь выдвинул частные версии относительно механизма и мотивов преступления: рассматривалась возможность убийства из мести тем самым знакомым либо инсценировка исчезновения с иной целью.

В рамках планирования проверялись конкретные обстоятельства: проводились судебно-медицинские и криминалистические экспертизы следов крови, обыски у подозреваемого, допросы его окружения. В конечном итоге кропотливая проверка версий принесла результат: были собраны доказательства того, что знакомый инсценировал исчезновение – он тайно убил потерпевшего и спрятал тело, чтобы имитировать безвестное исчезновение. Данный подозреваемый был изобличён и предстал перед судом.

В этом примере версионный подход сыграл решающую роль: из множества предположений последовательно исключались несостоятельные, расследование строилось как планомерная проверка каждой версии, что позволило установить истину. Как отмечают специалисты, в подобных ситуациях, когда убийство изначально лишь предполагается, необходимо выдвигать первоначальные версии о причинах исчезновения (убит, покончил с собой, скрывается и так далее), а после того как версия убийства находит

подтверждение и остальные отпадают, анализ личности и связей жертвы позволяет строить версии о мотивах, времени, месте убийства и, наконец, о личности убийцы.

Следует подчеркнуть, что при расследовании убийств планирование и версии всегда дополняют друг друга. План расследования гибко корректируется по мере поступления новой информации: если какая-то версия опровергается, план пересматривается – назначаются новые действия, соответствующие изменившейся ситуации. Так, если изначально строились версии о бытовом конфликте, а затем данные экспертизы укажут, например, на заказной характер убийства (скажем, обнаружены признаки работы профессионального киллера), следователь должен немедленно скорректировать план, включив мероприятия по проверке связей потерпевшего, финансовых операций, возможных заказчиков преступления.

Подводя итог, можно выделить основные особенности применения планирования и версий при расследовании убийств.

Во-первых, уже на старте формулируются версии о характере события, личности преступника и мотивах, что определяет направление всей дальнейшей работы.

Во-вторых, планирование носит поэтапный характер: сначала выполняются неотложные действия (осмотр места происшествия, трупа, сбор улик, задержание подозреваемых при их наличии), затем план разбивается на линии проверки каждой версии – каждая такая линия предусматривает комплекс следственных действий и экспертиз.

В-третьих, ключевое значение имеет информация о личности потерпевшего и его окружении: эти сведения часто становятся отправной точкой версий. И наконец, успешное расследование убийства практически невозможно без корректировки плана по ходу дела – по мере того, как подтверждаются одни версии и отпадают другие. Применение данных принципов на практике позволяет раскрывать даже тщательно замаскированные преступления против жизни.

3.2 Применение криминалистических версий при расследовании экономических преступлений

Экономические преступления представляют другую сферу следственной деятельности, требующую особого подхода к планированию и выдвижению версий. К категории экономических обычно относят деяния, связанные с финансово-хозяйственными махинациями, хищениями денежных средств, мошенничеством в предпринимательской сфере, злоупотреблениями должностных лиц в экономике, уклонением от уплаты налогов и т.п. В отличие от убийств, такие преступления зачастую не имеют «классической» картины места происшествия или очевидных следов события.

Расследование экономических преступлений, как правило, предполагает работу с большим объёмом документов, бухгалтерской отчетности, цифровых данных, а также взаимодействие со специалистами (экономистами, аудиторами). Поэтому планирование приобретает первостепенное значение: необходимо с самого начала определить направления финансового анализа, установить, какие документы и носители информации следует изъять, каких экспертов привлечь, какие версии финансовых схем проверить, чтобы успешно раскрыть преступление [25, с. 167].

Одной из особенностей таких дел является то, что нередко уголовное дело возбуждается не на пустом месте, а на базе результатов предварительной проверки или ревизии. Материалы могут поступить от контрольно-ревизионной службы, аудиторской проверки, налоговой инспекции, подразделений финансового мониторинга и т.д. К началу расследования по делам экономической направленности зачастую имеются уже собранные данные о возможных нарушениях и даже о подозреваемых лицах. Объём и качество этой информации зависят от глубины проведённой ревизии, но в целом следователь в такой ситуации располагает некой базой фактов. Практика показывает, что крайне важно наладить взаимодействие с теми, кто

проводил последовательную проверку (аудиторов, ревизоров, оперативных сотрудников), чтобы эффективно использовать их наработки на этапе расследования.

Планируя расследование, следователь опирается на эти предварительные данные и формирует оперативные версии, которые затем трансформируются в следственные версии, оформляемые уже в процессуальных решениях. Если проверка выявила недостачу денег на счетах предприятия, первичные версии могут быть такими: имеет место хищение (присвоение денежных средств ответственным лицом), либо ошибка учета (бухгалтерская неточность, не являющаяся преступлением), либо мошенническая схема со стороны контрагентов.

Каждая из этих версий должна быть отражена в плане: по версии хищения – планируются обыски у материально ответственных лиц, выемка финансовых документов, допросы бухгалтеров; по версии ошибки – назначается внеплановая ревизия учета, экспертиза бухгалтерских документов; по версии внешнего мошенничества – проверяются контракты с подозрительными фирмами, анализируется движение средств по счетам.

При расследовании экономических преступлений планирование носит комплексный характер, объединяя следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия. Следственные версии в экономических делах часто строятся вокруг механизма совершения преступления. Следователь пытается реконструировать схему противоправной деятельности: как именно выводились или похищались средства, кто мог к этому быть причастен, где «узкое место» в системе контроля, позволившее совершить преступление[39, с. 115].

Стоит обратить внимание, что в экономических делах время и тайна проведения следственных действий особенно критичны. Преступления данной категории зачастую оставляют документальные и цифровые следы, которые могут быть умышленно уничтожены подозреваемыми, как только они почувствуют опасность расследования. Поэтому план первоначальных

мероприятий обычно включает неотложные действия: одновременное проведение выемок и обысков по месту работы и жительства ключевых фигурантов, изъятие бухгалтерской и электронной документации, арест банковских счетов и имущества, допросы свидетелей из числа сотрудников, наложение запретов на выезд подозреваемых за границу и тому подобное.

Наглядно это отражено в одной из типовых программ действий: при раскрытии преступления финансово-экономической направленности в первую очередь осуществляются задержания причастных лиц, их личные обыски, обыски в служебных помещениях с выемкой документов, арест имущества и счетов, а также допросы фигурантов и осмотр вещественных доказательств (документов, электронных носителей).

Особенно подчёркивается, что важно своевременно изъять документы, содержащие информацию о преступной деятельности подозреваемых, иначе промедление может привести к их сокрытию или уничтожению. Эти положения обязательно учитываются при составлении плана: например, следователь может запланировать провести обыски ранним утром одновременно по всем адресам, связанным с подозреваемыми, чтобы никто не успел уничтожить бухгалтерские книги или жесткие диски.

Для демонстрации практического значения версий и плана в расследовании экономических преступлений приведём пример из судебной практики. Рассмотрим дело о хищении бюджетных средств через фиктивные контракты. В одном из регионов выявили, что из областного бюджета исчезла значительная сумма, выделенная на реализацию государственной программы строительства. Финансовая проверка указала на нецелевое расходование средств: деньги были перечислены подрядчику, но значительная часть работ фактически не выполнена.

Следственными органами были выдвинуты версии:

- имеет место мошенничество со стороны руководства подрядной организации (завышение объёмов работ и присвоение денег);

- коррупционная схема с участием должностных лиц заказчика (распил бюджета между чиновниками и подрядчиком);
- бюрократическая неразбериха (деньги потрачены законно, но документы оформлены небрежно, создавая впечатление хищения).

План расследования учитывал проверку всех версий.

По первой версии (мошенничество подрядчика) были запланированы и проведены обыски в офисах фирмы-подрядчика и дома у её директора, изъяты серверы с бухгалтерией, договоры, акты приёмки работ. Назначили судебно-строительную экспертизу для проверки объёма реально выполненного строительства по сравнению с оплаченным – это позволяло установить масштаб хищения.

Одновременно следователь реализовал вторую версию: запросил документацию у госзаказчика, изъял переписку должностных лиц, назначил выемку банковских выписок, чтобы отследить движение денежных средств (не возвращались ли деньги на счета чиновников в виде откатов).

По третьей версии также были выполнены мероприятия – например, опрошены бухгалтера и экономисты, чтобы понять, нет ли ошибки или двойного учета. В результате планомерной работы наиболее убедительной стала коррупционная версия: анализ финансовых потоков выявил, что значительные суммы, перечисленные подрядчику, затем через цепочку фирм-однодневок вернулись на счета аффилированные с одним из чиновников администрации. После проверки этой версии появились прямые доказательства сговора: свидетельские показания, подтверждающие, что акты приёмки подписывались без фактического выполнения работ, а деньги делились между участниками схемы.

В итоге и руководитель фирмы, и чиновник были задержаны и впоследствии осуждены.

Данный пример показывает, как выдвижение нескольких версий и параллельная их проверка по продуманному плану позволили раскрыть сложное экономическое преступление. Следователь не остановился на первом

впечатлении (пропажа денег = вина подрядчика), а всесторонне исследовал ситуацию, что привело к установлению всех соучастников.

В целом, практическое применение планирования и версий в расследовании экономических преступлений характеризуется следующими моментами.

Во-первых, тщательная организация работы на первоначальном этапе: создание следственно-оперативной группы, распределение ролей (кто отвечает за анализ финансов, кто за допросы, кто за взаимодействие с банками и пр.), составление календарного плана действий.

Во-вторых, активное использование специальных познаний: следователь включает в план привлечение экспертов – судебно-бухгалтерские экспертизы, компьютерно-технические экспертизы (для восстановления удаленных файлов), налоговые экспертизы.

В-третьих, многовариантность версий: необходимо рассматривать версию не только умысленных действий, но и альтернативные – хозяйственный риск, ошибка, форс-мажор.

Такой научный подход уберегает от обвинительного уклона и помогает собрать объективные данные. В-четвёртых, взаимодействие с другими органами – финансовой инспекцией, налоговой службой, органами надзора – часто включается напрямую в план, так как без их информации и ресурсов сложно подтвердить либо опровергнуть версии.

Практическое значение планирования здесь трудно переоценить: правильно спланированное расследование экономического преступления позволяет целенаправленно и экономно (что немаловажно при больших объёмах информации) проверять версии, не расплываться, а концентрироваться на ключевых направлениях. Согласно опубликованному опыту, планирование по уголовным делам экономической направленности обеспечивает быстроту, объективность, полноту и всесторонность установления фактических обстоятельств события, а также розыск и изобличение виновных. Иными словами, благодаря планированию следствие по экономическим

преступлениям протекает более организованно и эффективно: следователь своевременно определяет задачи, строит версии, продумывает пути и способы их проверки с максимальным использованием научно-технических средств и тактических приёмов.

Реализация этих принципов на практике приводит к успешному раскрытию сложных финансовых махинаций, возвращению похищенных средств и привлечению виновных к ответственности.

3.3 Использование планирования и криминалистических версий при раскрытии преступлений против собственности

Преступления против собственности – одна из наиболее распространённых категорий уголовных деяний. К ним относятся кражи, грабежи, разбои, мошенничества, вымогательства, уничтожение или повреждение имущества и другие посягательства на имущественные права.

А.И. Гуров выделяет следующие виды экономических преступлений, такие как: незаконное предпринимательство, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг [10].

Вследствие массовости таких преступлений разработаны относительно типовые методики их расследования, однако и здесь планирование и выдвижение версий играют ключевую роль, особенно когда речь идёт о сложных или серийных эпизодах.

Планирование расследования краж и разбоев позволяет оптимизировать работу следователя: правильно расставить приоритеты (например, розыск по горячим следам. аналитическая работа с вещественными доказательствами), вовремя подключить оперативные службы для розыска похищенного имущества или преступников, не допустить упущения важных доказательств.

Следственные версии по делам данной категории обычно касаются способа совершения преступления (например, кража совершена путём свободного доступа или с взломом, разбой - с применением оружия или нет), личности преступника (действовал ли это опытный рецидивист, случайный человек, сотрудник компании-потерпевшего, инсайдер и так далее) и мотива (корыстный мотив очевиден, но могут быть нюансы - кража для личного обогащения, для покрытия долгов, по наводке и тому подобное). Кроме того, нередко выдвигаются версии относительно дальнейшей судьбы похищенного: особенно в делах о хищениях имущества следователь предполагает, где преступник мог сбыть или спрятать украденное (ломбард, рынок, знакомые скупщики), и планирует меры по обнаружению этих предметов.

Планирование расследования преступлений против собственности начинается с анализа следственной ситуации на месте происшествия и выдвижения первоначальных версий. На первоначальном этапе во многих случаях важно понять, имело ли вообще место преступление.

Например, поступило заявление о краже из квартиры без видимых следов взлома – не исключено, что имеет место инсценировка или ложный донос (для получения страховки или сокрытия растраты). Поэтому одна из первых версий может быть: хищения не было, а заявитель лжёт. Эта версия проверяется прежде всего – сопоставлением инвентарных данных, обстоятельств обнаружения пропажи, финансового положения заявителя и тому подобное. Если она не подтверждается и факт преступления очевиден, следователь переходит к другим версиям: внешнее проникновение (квартирная кража совершена посторонним лицом, подобравшим ключ или через окно), внутренний кто-то из своих (в хищении замешан кто-то из близкого окружения потерпевшего, имеющий ключ или доступ), инсайдер из обслуживающего персонала (например, работник охраны, жилищно-коммунальной службы).

По каждой из этих версий планируются следственные действия: осмотр места происшествия на предмет скрытых следов проникновения (отмычки,

следы на окнах, камерах видеонаблюдения), проверка алиби членов семьи или соседей, допросы консьержей, слесарей, ранее приходивших мастеров и так далее.

План может включать экспертизу отпечатков пальцев или следов обуви, обнаруженных в квартире, работу с базами данных уголовного розыска (проверка схожих почерков краж в районе). Таким образом, уже на начальном этапе планирование строится в тесной связи с версиями: под каждую версию составляется свой комплекс мероприятий [32].

Рассмотрим пример судебной практики применения планирования и версий при раскрытии преступления против собственности на примере разбоя (вооружённого ограбления). Потерпевшая гражданка заявила, что на улице поздно вечером на неё напал неизвестный мужчина, ударил и, применяя нож, похитил сумку с деньгами и ценной цепочкой. Следственно-оперативная группа немедленно выехала на место, начав осмотр места происшествия и опрос возможных свидетелей.

Первоочередная версия: разбойное нападение с целью хищения имущества, совершённое неизвестным, скрывшимся с места преступления. Однако опытный следователь параллельно рассмотрел и другие версии: инсценировка (не исключено, что потерпевшая могла скрыть пропажу имущества по иным причинам, хотя в данном случае видимые травмы подтверждали факт нападения) и возможный знакомый преступник (нападение мог совершить кто-то из окружения потерпевшей, инсценировав уличный разбой).

Для проверки основной версии о внешнем нападавшем были тщательно зафиксированы следы борьбы на месте – разбросанные вещи, следы обуви на земле. Из показаний потерпевшей следователь выяснил приметы нападавшего и направление, в котором он скрылся. План розыскных мероприятий включил прочесывание кварталов по горячим следам с привлечением патрульной полиции и кинолога с собакой, а также проверку ближайших ломбардов (похищенная цепочка могла быть туда сдана).

Спустя несколько часов оперативники задержали подозреваемого поблизости: подходил по приметам мужчина, у которого при себе оказалась часть похищенных вещей. Выдвинутая версия о его причастности требовала проверки, и следователь приступил к ее отработке по плану. Согласно плану, необходимо было подтвердить факты, которые должны иметь место, если версия верна. В данном случае:

- на одежде и теле подозреваемого должны быть обнаружены следы борьбы с потерпевшей (например, царапины, следы крови или грязи);
- у него дома или при нем должны находиться похищенные деньги и ценная цепочка;
- на месте преступления должны остаться следы, соответствующие его обуви или биологические следы, связывающие его с нападением.

Из этого плана вытекал конкретный перечень следственных действий: провести тщательный осмотр подозреваемого (его одежды, тела – на наличие царапин, повреждений) и зафиксировать все обнаруженные следы; произвести личный обыск задержанного, а также обыск по месту его жительства, с целью изъять похищенные вещи; выполнить дополнительный осмотр места происшествия в светлое время суток, чтобы найти, например, выпавшие при борьбе предметы или оставить контрольные отпечатки обуви для экспертизы.

В результате при обыске у подозреваемого дома была найдена та самая золотая цепочка потерпевшей, а на куртке обнаружили следы крови (экспертиза потом подтвердила, что кровь принадлежит жертве, поцарапавшей нападавшего). Также судебно-медицинский эксперт зафиксировал на теле задержанного свежие царапины, соответствующие рассказу потерпевшей о сопротивлении. Все совокупные доказательства подтвердили версию о его виновности, и дело было успешно направлено в суд.

Данный пример демонстрирует, как планирование расследования и построение версий позволяют шаг за шагом собрать доказательства по делу о преступлении против собственности. Следователь, выдвинув версию,

спланировал систему действий для ее проверки, и реализация плана (допрос, осмотр, обыск и пр.) привела к изобличению преступника.

Важно отметить, что по ходу раскрытия разбоя проверялись и альтернативные версии: после задержания подозреваемого, когда появились убедительные доказательства, версия инсценировки отпала окончательно, но изначально ее учет помог следователю сохранять объективность. Например, если бы потерпевшая не имела явных телесных повреждений, проверка версии ложного доноса была бы более детальной (что тоже нашло бы отражение в плане – вплоть до проведения полиграфа или проверки на месте). Таким образом, гибкость версионной работы и планирования обеспечивает всесторонность и объективность расследования.

При раскрытии краж, грабежей и иных имущественных преступлений типичные следственные версии могут опираться на криминалистическую статистику и ситуацию. Если речь о серии схожих преступлений (серийные кражи из дачных домов, например), то планирование включает версию об одном и том же преступнике или организованной группе, действующих по устоявшейся схеме. Тогда действия планируются не только по одному эпизоду, но и по линии объединения дел в серию: сравнение почерка преступлений, назначение комплексных экспертиз по всем эпизодам, создание единой следственно-оперативной группы для серии.

Так, в практике были случаи, когда по нескольким квартирным кражам следователь заметил одинаковый способ взлома окна и аналогичный набор похищенных ценностей. Была выдвинута версия о «гастролирующей» группе воров-домушников.

План дальнейших действий предусматривал: информирование всех районных отделов полиции о приметах этой группы, проверку ранее судимых за подобные кражи, установление наблюдения в возможных районах их появления. В результате грамотного планирования и обмена информацией преступная группа была задержана с поличным при очередной попытке взлома. Этот пример показывает значение версий для объединения

разрозненных фактов в одно дело и для целенаправленного планирования засад и задержаний.

Ещё один аспект, характерный для планирования по делам о преступлениях против собственности, – это взаимодействие следствия и оперативных служб. План расследования краж или ограблений почти всегда включает мероприятия, проводимые не только следователем, но и оперативниками уголовного розыска: проверка скупок, реализация меток на денежных купюрах (при вымогательстве или передаче взятки), установка негласного наблюдения за подозреваемыми. Эти действия тесно связаны с выдвигаемыми версиями. Если, к примеру, версия указывает на конкретное лицо (скажем, работник склада, откуда произошла кража товаров), то в план включается скрытое наблюдение за ним, контроль его коммуникаций, возможно, оперативный эксперимент (метка товара и прослеживание, не попадает ли он к подозреваемому).

Всё это требует тщательного планирования: согласования сроков, ресурсов, соблюдения законности ОРМ (оперативно-розыскных мероприятий).

Подводя итог, преступления против собственности хотя и считаются распространёнными и зачастую рутинными для правоохранителей, тем не менее требуют грамотного использования методов планирования и построения версий.

Практическое значение этих методов проявляется в следующем: быстрое раскрытие по горячим следам – благодаря заранее продуманному плану действий первые часы после преступления используются максимально эффективно (что критично для поимки преступника по свежим следам); полное раскрытие всех обстоятельств – версии позволяют не упустить детали (например, выявить всех соучастников кражи, каналы сбыта похищенного, установить мотивы, а не ограничиться лишь исполнителем); обеспечение доказательств в суде – планируя расследование, следователь заботится о

собрании доказательственной базы по каждой версии, чтобы в суде иметь ответы на любые альтернативные объяснения защиты.

Например, если подозреваемый по краже не признаёт вину и выдвигает свою версию («вещи купил случайно с рук, к краже не причастен»), то заранее собранные доказательства (запись камеры с его участием, свидетельские показания о том, что он находился около места преступления и т.д.) позволят опровергнуть ложную версию защиты. В этом смысле планирование расследования с учётом версионного подхода служит не только раскрытию преступления, но и успешному судебному разбирательству, что и является конечной целью уголовного процесса.

Таким образом, использование планирования и криминалистических версий при расследовании преступлений против собственности носит прикладной, практико-ориентированный характер.

Практика подтверждает: там, где расследование с первых часов было правильно организовано по плану и не ограничивалось одной версией, раскрываемость преступлений против собственности значительно выше. Значит, планирование и версионность – действенные инструменты следствия, сохраняющие свою актуальность и эффективность во всех категориях дел, от убийств до имущественных посягательств.

Каждый из рассмотренных примеров судебной практики показывает, что успех расследования во многом предопределён именно на стадии выдвижения версий и составления грамотного плана, что подчёркивает их практическую значимость.

Заключение

Проведённое исследование позволило всесторонне рассмотреть и раскрыть значение планирования и криминалистических версий как составных элементов методики расследования преступлений. В условиях усложняющейся криминальной действительности, активного использования преступниками механизмов сокрытия доказательств, а также растущей правовой защищённости субъектов уголовного процесса, требования к профессионализму следователя и качеству предварительного расследования возрастают. В этом контексте применение грамотно выстроенного следственного плана и обоснованных версий становится не только целесообразным, но и необходимым условием обеспечения эффективности уголовного преследования в рамках правового государства.

Изложенный в первой главе теоретико-методологический анализ позволил установить, что планирование в расследовании преступлений представляет собой не формальную, а содержательно насыщенную деятельность, направленную на систематизацию усилий следователя, точное определение задач, логической последовательности и средств их достижения. Оно формируется в соответствии с уголовно-процессуальными нормами, прежде всего положениями статей 38, 73 и 88 УПК РФ, в совокупности с положениями ведомственных нормативных актов Следственного комитета РФ и МВД России, определяющих особенности организации предварительного следствия. План как внутренний акт процессуальной деятельности отражает структуру, этапность и тактическое наполнение следственных действий, обеспечивая рациональное использование ресурсов, минимизацию рисков, связанных с утратой доказательств и нарушением сроков.

Особое значение в ходе работы было уделено рассмотрению криминалистической версии как одного из центральных компонентов теории и практики уголовного судопроизводства. Версия в уголовном процессе выступает инструментом логического построения предположений,

подлежащих доказательственной проверке, и представляет собой средство обеспечения полноты, объективности и всесторонности расследования.

Нормативное закрепление принципа всесторонности исследования обстоятельств уголовного дела в статье 73 УПК РФ фактически обязывает органы предварительного следствия использовать версионную методологию на всех стадиях расследования.

Вторая глава исследования раскрыла этапность и структуру планирования, особенности методики выдвижения и проверки криминалистических версий, а также показала наиболее распространённые ошибки при реализации этих процедур.

Анализ норм уголовно-процессуального законодательства и соответствующих инструктивных актов позволил обосновать, что процесс планирования не является закрытой системой, а представляет собой динамическую конструкцию, подверженную изменениям в зависимости от развития следственной ситуации.

Следователь должен обладать не только знанием закона, но и высоким уровнем криминалистической подготовки, позволяющей грамотно формулировать версии, соотносить их с доказательственной базой и оперативно перерабатывать в случае изменения обстоятельств. Выявленные типичные ошибки, в том числе преждевременное исключение альтернативных версий, избыточное следственное давление в отсутствие доказательственной базы, нарушение логики построения плана, подтверждаются примерами из судебной практики, где подобные просчёты привели к затягиванию сроков расследования, отмене обвинительных приговоров и нарушению прав фигурантов уголовных дел.

Практико-ориентированная глава исследования позволила на конкретных примерах уголовных дел продемонстрировать, насколько существенной является роль планирования и криминалистических версий при расследовании различных категорий преступлений.

При анализе дел об убийствах было выявлено, что в условиях первоначальной неопределённости и недостаточности информации именно грамотно сформулированные версии и их отработка позволяют выявить мотив, определить круг подозреваемых и локализовать доказательственные источники.

В делах экономической направленности особое значение приобретает построение версий, основанных на сложных финансовых схемах, которые нередко оформлены в рамках правовых конструкций, маскирующих противоправность деяний. Здесь планирование связано не только с правовой квалификацией, но и с определением стратегии взаимодействия с финансовыми учреждениями, специалистами и экспертами.

Преступления против собственности характеризуются высокой степенью латентности и ситуационной изменчивостью, что требует от следователя гибкости при формировании версий и их адаптации к меняющимся обстоятельствам. В каждом из рассмотренных случаев судебные решения подтвердили значимость версионной логики и грамотного планирования в обеспечении надлежащего уровня доказывания и законности итогового судебного акта.

На основании проведённого исследования можно утверждать, что системное использование планирования и криминалистических версий представляет собой обязательный элемент современной следственной деятельности. В условиях правового государства, гарантирующего защиту прав участников уголовного судопроизводства, только логически выверенная, правомерная и доказательно насыщенная деятельность органов предварительного следствия может привести к объективному установлению истины и вынесению справедливого приговора.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 23.06.2022 по делу № 22-1489/2022 // Официальный сайт Краснодарского краевого суда – URL: <https://kk--krd.sudrf.ru>.
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 12.04.2023 по делу № 10-1234/2023 // Архив судебных актов. – URL: <https://www.mos-gorsud.ru/>.
3. Астафьев А.С. Планирование расследования преступлений: сущность, виды, содержание // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 4. С. 35-41.
4. Апелляционное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.08.2025 по делу № 55-287/2025 // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOAS&n=67820#EmGRLwUKnN5IcT7z>.
5. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. – Т. 1. Общие положения. Теория доказательств. М.: Норма, 2017. – 672 с.
6. Васильев А.Н. [и др.] О структуре организации отдельного расследования //ББК 67.52 К82. 2023. С. 45.
7. Винберг А.И. Теория и практика криминалистического планирования расследования преступлений. М.: Юрлитинформ, 2019. 248 с.
8. Головин А.Ю. Версии защиты как объект криминалистического исследования //Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 135-141.
9. Григорьева А.Е. Метод криминалистического прогнозирования в расследовании преступлений //Вестник Северо-Восточного федерального университета имени МК Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественныенауки. Social science». 2024. № 4. С. 12-16.
10. Гуров А.И. Экономические преступления: природа, классификация, методы расследования / А.И. Гуров. - М.: Норма, 2018. 224 с.

11. Журавель В.А. Криминалистика: учебник для вузов / В.А. Журавель, С.И. Мельников. - М.: Юрайт, 2022. 540 с.
12. Зеленский В.Д., Куемжиева С.А. К вопросу о целеопределении на первоначальном этапе расследования //Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 8. С. 108-112.
13. Иванов П.И. К вопросу о модернизации методики расследования преступлений //Закон и право. 2024. № 2. С. 250-254.
14. Калугин И.А. Планирование расследования преступлений / И.А. Калугин // Российский следователь. 2021. № 4. С. 45-53.
15. Карпец И.И. Теория и методология построения следственных версий / И.И. Карпец. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2020. 304 с.
16. Кисленко С.Л. Синергетические векторы развития отдельных частных криминалистических теорий в условиях современного уголовного судопроизводства (прелиминарный аспект) //Lex russica. 2024. Т. 77. № 9 (214). С. 45-61.
17. Колдин В.Я. Криминалистика: учебник. М.: Проспект, 2021. 416 с.
18. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>
19. Коринь А.В. Пространственно-временные факторы в процессе расследования преступлений //Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2 (56). С. 128-136.
20. Лавров В.П. Криминалистические версии: методика и логика построения. М.: Юридическая литература, 2018. 232 с.
21. Латыпов Р.М. Использование криминалистических версий при расследовании преступлений / Р.М. Латыпов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 3 (53). С. 109-120.
22. Малахов А.И. Тактика первоначальных следственных действий при расследовании убийств / А.И. Малахов // Уголовное судопроизводство. 2020. № 5. С. 144-152.

23. Мелдаикис М.Ю., Поляков И.М. Типичные следственные ситуации и версии первоначального этапа расследования преступлений, совершенных должностными лицами ФССП //Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 7-1. С. 230-235.

24. Методические рекомендации Следственного комитета РФ по планированию и организации расследования уголовных дел: утв. СК РФ 14.02.2018 // СПС «Гарант».

25. Олейник И.Н. Организация предварительного расследования экономических преступлений / И.Н. Олейник. - М.: Проспект, 2019. 336 с.

26. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регулирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

27. Приговор Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 10 декабря 2021 года по делу № 1-678/2021 (вступил в законную силу).

28. Приговор Ленинского районного суда г. Воронежа от 3 июня 2020 года по делу № 1-517/2020 (вступил в законную силу).

29. Приговор Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга от 15 апреля 2021 года по делу № 1-234/2021 (вступил в законную силу).

30. Приговор Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону от 06.12.1978 по делу Кравченко А.Ф. (реабилитирован) // Архив Верховного Суда РФ.

31. Приговор Свердловского областного суда от 18.10.2019 по делу № 1-276/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

32. Приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 «Об утверждении Инструкции по организации предварительного следствия в органах внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

33. Приказ Следственного комитета РФ от 02.08.2011 № 72 «Об организации предварительного следствия в системе СК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

34. Ратинов А.Р. Следственная ситуация и план расследования / А.Р. Ратинов // Криминалистика. 2022. № 2. С. 47-59.

35. Рахматуллин Р.Р. Влияние фактора безопасности на быстрое и наиболее полное раскрытие преступления // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. №. 2 (56). С. 146-153.

36. Судебно-медицинская экспертиза: теория и практика / Под ред. И.И. Мигалина. – М.: Юрайт, 2022. 378 с.

37. Таркинский А.И., Магомедов М.Г. Перспективы развития криминалистики в сфере научных основ и практической потребности в формировании методик расследования // Российский научный вестник. 2023. С. 97.

38. Таркинский А.И., Магомедов М.Г. Роль криминалистической характеристики преступлений в формировании методики расследования // Право и управление. 2024. № 1. С. 274-279.

39. Тихомиров Ю.А. Экономические преступления в России: методика расследования и противодействие / Ю.А. Тихомиров. - М.: Юнити-Дана, 2021. 248 с.

40. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

41. Фатеев В.И. Криминалистическая характеристика преступлений / В.И. Фатеев // Следователь. 2021. № 1. С. 273-283.

42. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349/

43. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

44. Хлус А.М. Криминалистическая характеристика преступлений как основа организации их расследования //Издается по решению редакционно-издательского совета Байкальского государственного университета. 2024. С. 264.

45. Хлус А.М. Роль криминалистической характеристики преступлений в организации их расследования //Вестник экономики и права. 2024. № 94. С. 290-299.

46. Чикотило: хроника расследования // Российская криминалистическая энциклопедия. М.: Криминал-пресс, 2008. С. 158-187.

47. Шарифходжаев Ш.И. Использование криминалистического моделирования при планировании расследования преступлений //Вопросы российской юстиции. 2025. № 37. С. 339-344.